Л. А. ЧАРСКАЯ

Тя-Желымъ путемъ

РИСУНКИ
А. ВЕСТФАЛЕНЪ

ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ · МОСКВА

Лидія Чарская.

ТЯЖЕЛЫМЪ ПУТЕМЪ.

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

МОСКВА,
Изданіе І. Кнебель.
1914.

Гос
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

МОСКВА.
Типо-литографія Русскаго Товарищества Печатнаго и Издательскаго дѣла,
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д. Телеф. 18-35.
1914.

ТЯЖЕЛЫМЪ ПУТЕМЪ.

Глава I.

— Стой, извозчикъ, вонъ, у того дома... Твою руку, Іечка... Пріѣхали, ну, помогай тебѣ Богъ!

Андрей Аркадьевичъ первый выскочилъ съ пролетки и протянулъ руку сестрѣ.

Онѣ ѣхали сюда около часа. Извозчикъ имъ попался очень плохой, да и разстояніе съ дальней окрайны Петербургской стороны до одной изъ самыхъ захолустныхъ улицъ Песковъ было не малое.

Шелъ дождь пополамъ со снѣгомъ. Стояли огромныя лужи на улицѣ. Катили экипажи съ поднятыми верхами. Пѣшеходы сновали подъ зонтиками по скользкимъ сырымъ тротуарамъ. Безотрадная картина поздней гнилой Петербургской осени встрѣтила въ этотъ день только выписавшуюся изъ больницы Ію. И самый домъ, около котораго остановился ихъ возница, имѣлъ такой же безотрадный видъ. Небольшой деревянный особнякъ съ облупив-

шейся краской даже и при освѣщеніи осенняго вечера выглядѣлъ очень непрезентабельно и угрюмо.

Такіе дома составляютъ теперь большую рѣдкость въ столицѣ и попадаются только на самыхъ глухихъ окраинахъ ея. И мѣсто, гдѣ поселился Андрей Басланов съ семьею, казалось очень глухимъ и отдаленнымъ отъ центра.

— Послушай, Андрюша, да вѣдь тебѣ отсюда приходится ежедневно въ Академію ѣздить... Какъ же ты можешь такую даль переносить? Вѣдь сколько времени терять приходится даромъ на однѣ поѣздки,—не могла не замѣтить Ія, пока Андрей Аркадьевичъ звонилъ у входной двери.

— И время даромъ на проѣздъ тратишь, да и устаешь ты, Андрюша, по всей вѣроятности не мало?—допытывалась сестра.

— Это пустое, Іечка,—съ беззаботнымъ смѣхомъ отвѣчалъ сестрѣ Баслановъ,—что касается усталости, то не такой я еще старикъ, сестренка, чтобы уставать изъ-за такихъ пустяковъ, а разстояніе велико, это ты, пожалуй, справедливо говоришь. Но и съ этимъ мириться можно, когда, благодаря отдаленности отъ центра, снимаемый нами особнякъ стоитъ пустяки, и благодаря этому деньги, ассигнованныя нами на наемъ болѣе удобной квартиры, мы можемъ тратить на другое, необходимое въ жизни...

Но на что именно могъ тратить Андрей излишекъ, остававшійся отъ платы за квартиру при такихъ условіяхъ, Іи такъ и не пришлось узнать.

Дверь отворилась и на порогѣ ея показалась очень нечистоплотнаго вида прислуга съ подоткнутымъ подоломъ, босая, въ засаленномъ клѣтчатомъ передникѣ.

— Что это, Марья, вы открываете? Куда же Даша дѣвалась?—морщась при видѣ ея неряшливой особы, спросилъ Андрей Аркадьевичъ.

— Ушла, баринъ, Даша... Проскандалили онѣ съ молодой барыней все утро. Апосля собрала свой сундукъ и уѣхала. За пачпортомъ обѣщалась ужо зайтить. Барыня и по сейчасъ внѣ себя лежатъ на диванѣ,—обстоятельно докладывала кухарка.

— Ахъ, ты, Господи—опять непріятности! Нетти нервничаетъ, она такая слабенькая, хрупкая, а прислуга такъ груба!—сорвалось смущенно съ губъ Андрея Аркадьевича и, наскоро сбросивъ пальто на руки встрѣтившей ихъ служанки, онъ прошелъ въ гостиную. Ія послѣдовала за нимъ. Уже съ порога прихожей молодую дѣвушку поразили стоны и вскрикиванія, несшіеся изъ сосѣдней комнаты.

Когда она вошла туда, то увидѣла нарядно, совсѣмъ не по домашнему, одѣтую молодую даму, лежавшую на кушеткѣ съ лицомъ полуприкрытымъ носовымъ платкомъ, который она держала у глазъ. Черные волосы молодой женщины, выбившись изъ прически, безпорядочными прядями сбѣгали вдоль спины. Прерываемымъ слезами и всхлипываніемъ голосомъ она кричала:

— Это невозможно!.. это несносно!.. я не хочу такой жизни!.. Я не потерплю ея! Она погубитъ меня!.. Мое здоровье!.. Мои нервы... Каждая служанка, каждая ничтожная дѣвчонка смѣетъ грубить мнѣ, урожденной княжнѣ Вадберской! Да я за это на нее въ судъ подамъ... въ тюрьму ее посажу! Я не прощу ей—этой негодной Дашкѣ того, что она осмѣлилась наговорить мнѣ!..

И снова взрывъ рыданій огласилъ комнату.

Сидѣвшая около изступленно плачущей молоденькой

особы пожилая дама, въ которой Ія съ перваго же взгляда узнала княгиню Констанцію Ивановну съ ея прекраснымъ южнаго типа лицомъ и рѣзкими манерами итальянки-простолюдинки, старалась всѣми силами успокоить расходившуюся дочь:

— Полно, не плачь, Нетти... Нечего глаза по пустякамъ портить... И платье напрасно мнешь... Эка—невидаль, подумаешь,—съ горничной посчитались... Всюду это случиться можетъ... Въ каждой семьѣ! перестань же плакать! Вотъ и Андрей пришелъ и не одинъ!.. Создатель мой! Дѣва Марія! Да вѣдь это она, красоточка-Ія! Дитя мое, я узнала васъ сейчасъ же, даромъ что вы ужасно похудѣли да поблѣднѣли!

Тутъ княгиня стремительно и шумно поднялась съ мѣста и съ протянутыми руками устремилась навстрѣчу Іи.

Въ ту же минуту оборвались слезы и стоны Нетти. Она отняла мокрый платокъ отъ распухшаго лица и стремительно приподнялась съ кушетки.

Ея нарядное платье смялось, изысканная прическа растрепалась, красивое, какъ двѣ капли воды похожее на лицо матери, личико измѣнилось и подурнѣло отъ портившаго его выраженія гнѣва.

— André, André,—зашептала она, подзывая къ себѣ мужа и съ укоромъ глядя въ его смущенное лицо,—какъ могъ ты меня оставить! Какъ могъ ты уѣхать на цѣлый день! Богъ знаетъ, что за ужасъ тутъ происходилъ безъ тебя! Эта дерзкая грубіянка осмѣлилась наговорить мнѣ Богъ вѣсть что! Надерзила и ушла... А мы тутъ оставайся и няньчай твоихъ прелестныхъ племянничковъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать на раутъ къ баронессѣ Икскюль. И куда ты пропалъ съ утра? Гдѣ ты былъ до поздняго ве-

чера? почти до семи часовъ? Какъ тебѣ не жаль было оставить меня одну?—потокомъ вопросовъ посыпалось на Андрея Аркадьевича и черные глаза Нетти снова наполнились слезами.

— Дѣточка, успокойся, не плачь ради Бога. Я безъ вины виноватъ передъ тобою,—горячо цѣлуя маленькія выхоленныя ручки жены, проговорилъ Баслановъ,—ты же знаешь, я никогда не оставлю тебя безъ нужды. Утро я провелъ въ Академіи, потомъ былъ въ больницѣ, взялъ оттуда сестру и отвезъ ее въ пансіонъ, а потомъ заѣзжалъ къ американцу Томсону, условиться о покупкѣ картины, затѣмъ снова заѣхалъ за Іею въ пансіонъ...

— Противныя картины, онѣ только разлучаютъ насъ съ тобою!—не слушая мужа и надувая губки, произнесла Нетти.

— Дѣточка, эти противныя картины кормятъ насъ,—осторожно напомнилъ Андрей.

— Очень это нужно! У папы есть пенсія. Намъ бы на всѣхъ хватило!

Андрей Аркадьевичъ въ отвѣтъ на эти слова покачалъ головой.

— Ты же знаешь мой взглядъ на такіе вопросы, Нетти,—серьезно проговорилъ онъ,—да и не время говорить объ этомъ. Займись лучше Іей, она такъ спѣшила къ намъ возобновить знакомство съ тобою.

— А, Ія, здравствуйте! Очень рада васъ видѣть!—заученнымъ тономъ свѣтской женщины, произнесла Нетти, протягивая руку золовкѣ. Та приблизилась къ ней и увидѣла передъ собою оффиціально улыбающееся ей лицо и чужіе, далекіе родственнаго чувства глаза молодой женщины.

Что-то кольнуло въ сердце дѣвушки.

Предчувствіе сказало ей, что врядъ ли она сойдется когда-либо съ этой пустенькой и безсодержательной Нетти. Но, желая сдѣлать пріятное Андрею, Ія ласково, по-родственному обняла невѣстку и поцѣловала ея горячую отъ недавнихъ слезъ щеку.

— Я очень рада увидѣть васъ снова, милая Нетти, и помочь вамъ въ воспитаніи вашихъ маленькихъ племянниковъ, — проговорила она, пожимая руку молодой женщинѣ.

— Ну, не знаю, повторите ли вы мнѣ это, когда познакомитесь съ «моими маленькими племянниками»,—загадочно подчеркивая послѣднія слова, произнесла Нетти, и, снова обращаясь къ мужу, быстро-быстро заговорила, сопровождая свои слова рѣзкими, экспансивными жестами:

— Вотъ именно изъ-за нихъ-то весь сыръ-боръ и загорѣлся! Ты не можешь себѣ вообразить André, какъ они извели меня сегодня на урокѣ!.. Представьте себѣ, Ія, я ради скуки стала заниматься съ этими милыми дѣточками по научнымъ предметамъ и они меня окончательно вывели изъ себя... такъ что я даже хотѣла ихъ высѣчь.

— Нетти! Нетти!—вырвалось почти съ ужасомъ у Андрея, въ то время какъ Ія до боли закусила губы, чтобы не дать вырваться по адресу молодой женщины потоку негодованія, вызванному словами послѣдней.

— Ну, такъ что же изъ этого?—задорно бросила мужу Нетти,—ну да, хотѣла ихъ высѣчь обоихъ... такъ они были несносны! А эта грубая Дашка налетѣла на меня какъ курица-насѣдка и стала кричать, что часа не останется больше тамъ, гдѣ пускаютъ въ ходъ розги... и что она Зинаидѣ Юрьевнѣ пожалуется на меня и что здѣсь притѣсняютъ дѣтей и Богъ знаетъ что еще наговo-

рила, что и извергъ-то я, и безсердечная, и чуть ли не палачъ. Словомъ, довела меня до слезъ... а сама ушла... и все изъ-за этихъ чудесныхъ дѣточекъ...—Кстати, пойдемъ къ нимъ, Ія, я хочу познакомить васъ съ отчаяннѣйшею въ мірѣ породою маленькихъ людей, отъ которыхъ нѣтъ никому ни минуты покоя въ домѣ,—сверкая все еще горѣвшими гнѣвомъ и негодованіемъ глазами, заключила Нетти.

Андрей Аркадьевичъ съ укоромъ взглянулъ на жену. Потомъ перевелъ глаза на Ію и снова обратился къ Нетти.

— Напрасно ты запугиваешь преждевременно сестру, дѣточка,—обратился онъ къ Нетти,—Жура и Надя далеко не дурныя дѣти. Правда, ихъ жизнь до сихъ поръ протекала на свободѣ, о нихъ, въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, некому было заботиться и манеры ихъ, можетъ быть, оставляютъ желать лучшаго, но, въ сущности, они—добрые, славные дѣти и...

— Добрые? Славные? Нѣтъ, это мнѣ нравится!—неожиданно прервала мужа сердитымъ голосомъ Нетти, и ея южные глаза засверкали цѣлымъ фейерверкомъ негодованья.

— Нѣтъ, милая Ія, я больше слова не скажу объ этихъ прелестныхъ дѣточкахъ... Вы сами увидите ихъ и поймете, права я или нѣтъ. А André къ нимъ слишкомъ пристрастенъ. Идемъ же, идемъ къ нимъ!

И, схвативъ Ію за руку, Нетти потащила ее изъ гостиной...

Княгиня поспѣшила за ними.

— Возьмите и меня съ собою. И я хочу присутствовать при первомъ знакомствѣ Іи съ этими ангелочками,—смѣясь, закричала она.

Изъ гостиной, большой комнаты въ три окна, со ста-

рыми запачканными во многихъ углахъ обоями, обставленной, очевидно, на скорую руку самой разнокалиберной мебелью, Ія съ обѣими хозяйками прошла въ столовую.

Здѣсь, посреди комнаты стоялъ неубранный столъ съ остатками отъ обѣда на безпорядочно разставленныхъ тарелкахъ, и съ корками хлѣба, разбросанными по весьма сомнительной чистоты скатерти.

Изъ столовой всѣ трое прошли въ длинный темный коридоръ. Его дальній конецъ упирался въ лѣстницу.

— Поднимемся къ нимъ. Дѣтская находится наверху,—предложила Нетти.

По шаткимъ, скрипучимъ ступенямъ, Ія вмѣстѣ съ хозяйками дома прошла во второй этажъ. Три двери таинственно бѣлѣли въ верхнемъ тоже совершенно темномъ переходѣ.

— Тамъ кабинетъ papà,—указывая рукою на правую, говорила Нетти,—papà пишетъ свои мемуары о Турецкой войнѣ и любитъ тишину и уединеніе; тамъ шкапная и комната для прислуги,—указала она на противоположную стѣну,—а это ваша обитель!

И при этихъ словахъ молодая женщина порывисто распахнула среднюю дверь.

При ихъ появленіи на порогѣ комнаты что-то быстро шарахнулось въ сторону. Ія успѣла разглядѣть только кусокъ необычайно яркой смѣси розоваго съ зеленымъ и голубымъ. И это розово-зелено-голубое забилось между комодомъ и рукомойникомъ, находившимся въ дальнемъ углу дѣтской, небольшой комнаты, заставленной тремя кроватями и убогой сборной мебелью.

Въ тотъ же мигъ взглядъ Іи встрѣтился съ прелестными ясными, какъ небо голубыми, дѣтскими глазенками, въ упоръ устремленными на нее.

— Жура, подойди сюда... А гдѣ Надя?—обратилась Нетти къ голубымъ глазкамъ.

Маленькій голубоглазый мальчикъ лѣтъ девяти, съ длинными, какъ у дѣвочки, локонами, вьющимися по плечамъ, выступилъ впередъ, для чего-то прикрывая рукою лѣвое колѣно.

— А Надя гдѣ? Изволь отвѣчать!

Глаза Нетти сердито сверкнули. Но мальчикъ, повидимому, ничуть не испугался гнѣва своей молоденькой тетки.

— Надя сейчасъ придетъ,—отвѣчалъ мелодичный голосокъ въ то время, какъ голубые глазенки безъ тѣни смущенья съ любопытствомъ разглядывали Ію.

— Вотъ рекомендую нашего сорви-голову. Его зовутъ Журой, Евгеніемъ. Совѣтую быть съ нимъ построже, да и съ его сестрицей тоже. Изъ рукъ вонъ какіе оба проказники и упрямцы,—слегка подталкивая мальчика къ Ію, проговорила княгиня Констанція Ивановна.

Молодая дѣвушка протянула руку ребенку. Тотъ подалъ свою, которой только что довольно удачно прикрывалъ огромную дыру на чулкѣ, какъ разъ на колѣнкѣ.

— Ахъ, Создатель мой, опять разорвалъ чулокъ, это возмутительно!—сердито крикнула Нетти, съ силой дернувъ мальчика за руку, такъ что вся его миніатюрная фигурка пошатнулась, какъ шатается молодое деревцо подъ напоромъ вѣтра, и, экспансивно жестикулируя, заговорила:

— Вы не повѣрите, Ія, сколько съ ними заботъ и хлопотъ! Все на нихъ горитъ, какъ въ огнѣ, прислуга не успѣваетъ штопать и чинить за ними. Однихъ сапогъ сколько перенашиваютъ, если бы вы знали. Никакихъ силъ съ ними нѣтъ. На нихъ не напасешься. Вотъ ужъ

сказать по правдѣ, послалъ pара этакую обузу Господь!— И Нетти, говоря это, съ откровенной злобою поглядывала на мальчика. Тотъ отвѣчалъ ей далеко не доброжелательнымъ взглядомъ, глядя изъ подлобья своими чудесными, но совсѣмъ не кроткими голубыми глазенками.

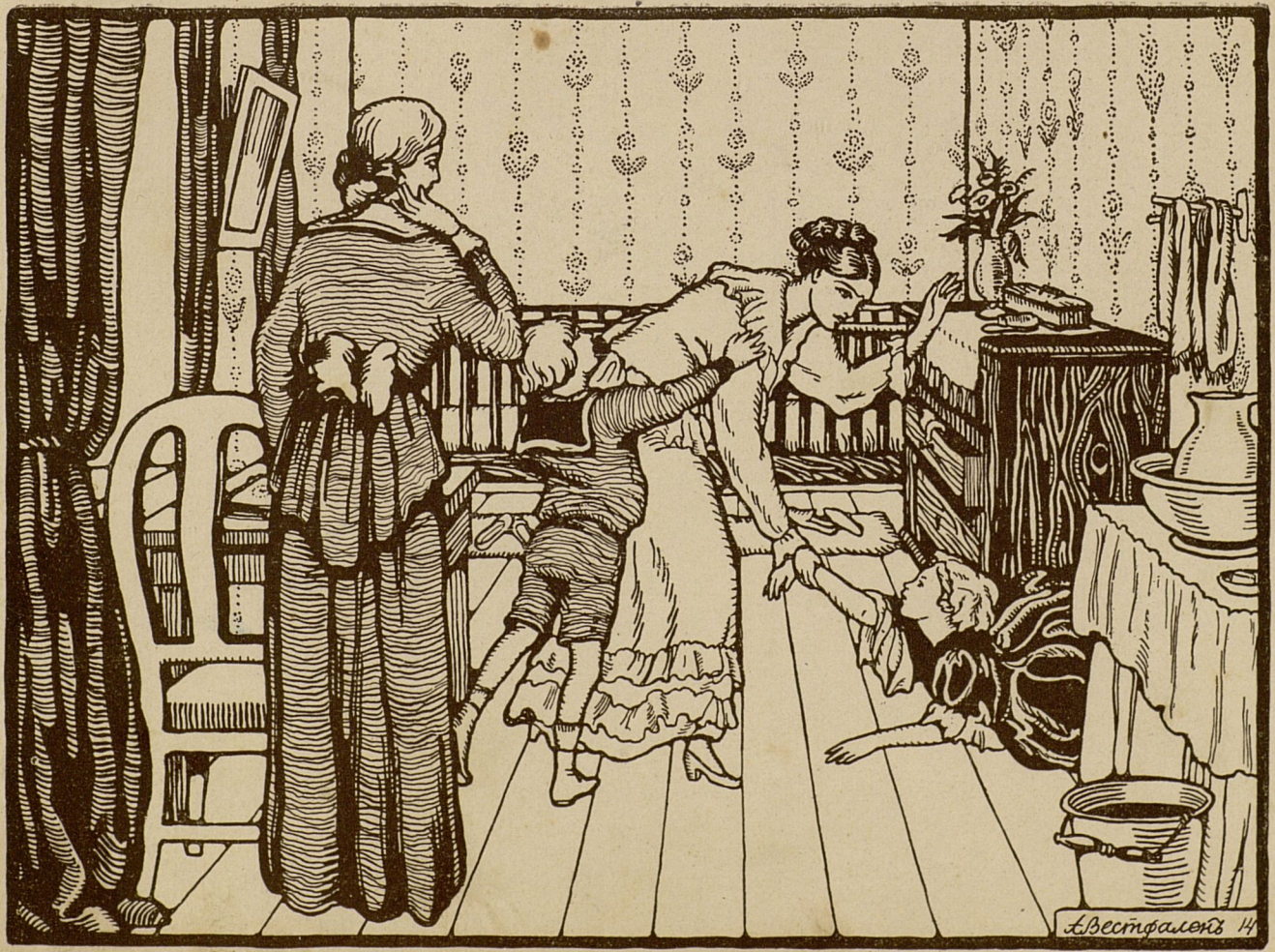
Вдругъ легкій шорохъ послышался въ углу. Шорохъ и какъ будто шелестъ шелковаго платья. Всѣ невольно посмотрѣли въ ту сторону, откуда доносился шумъ.

— Боже мой, Надя! Зачѣмъ ты залѣзла туда?

Въ два прыжка Нетти очутилась у комода, протянула руку въ отверстіе, образовавшееся между нимъ и умывальникомъ, и извлекла оттуда довольно необычайную фигурку.

Если бы въ нашъ вѣкъ были чудеса, Ія приняла бы непремѣнно за чудо зрѣлище, открывшееся ея глазамъ: она увидѣла второго мальчика Журу или вѣрнѣе точную копію Журы, одѣтую, однако, довольно своеобразно: длинная розовая, шелковая, стариннаго покроя юбка, въ которой путалась миніатюрная фигурка ребенка, окружала ее. Зеленый, въ видѣ кафтана, лифъ сидѣлъ мѣшкомъ на хрупкихъ дѣтскихъ плечахъ, и голубой шарфъ широко опоясывалъ узенькую, какъ у куклы, талію. Пепельные локоны, приподнятые кверху и зачесанные въ высокую вычурную прическу, увѣнчивались небольшимъ дамскимъ чепчикомъ, какіе носились при нашихъ бабушкахъ во дни ихъ юности нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ.

Миніатюрная хрупкая фигура ребенка совсѣмъ утонула въ этомъ странномъ допотопномъ нарядѣ. А худенькое, блѣдное съ голубыми жилками на вискахъ и лбу личико, озаренное парою такихъ же прекрасныхъ голубыхъ глазъ, какъ у Журы, выглядѣло такъ забавно


Л.Вестфалень 14

въ этомъ старообразномъ нарядѣ, что Ія, взглянувъ на него, не могла удержаться отъ улыбки.

Но ни княгиня, ни ея дочь не раздѣляли, повидимому, впечатлѣнія молодой дѣвушки.

Нетти густо покраснѣла. Все лицо Константіи Ивановны тоже залило краской негодованія и гнѣва.

— Дрянная дѣвчонка!—вскричала она, сопровождая свои слова рѣзкими жестами,—ты опять украла ключъ отъ шкапной? Опять рылась въ сундукахъ и унесла прабабушкино платье?—накинулась она на маленькое существо въ столь своеобразномъ одѣяніи.

— Отвратительный ребенокъ! Ее слѣдуетъ высѣчь за такія продѣлки!—закричала въ свою очередь Нетти, блѣдная отъ душившаго ее гнѣва.—Сейчасъ же сними все это и приходи ко мнѣ внизъ. О, я сумѣю расправиться съ тобою. Слышишь?

Она быстро подошла къ ребенку и изо всей силы ущипнула Надю за маленькое ушко.

Пронзительный крикъ огласилъ комнату. Въ тотъ же мигъ мальчикъ очутился передъ молодой Баслановой. Его худенькое, блѣдное личико поблѣднѣло еще больше, а голубые глаза сердито засверкали, когда онъ заговорилъ, обращаясь къ теткѣ, волнуясь и дрожа всѣмъ тѣломъ:

— Вы не смѣете! Вы не смѣете! Не смѣете бить Надю... Обижать ее... И называть воровкой не имѣете тоже никакого права! Я дѣдушкѣ скажу и мамѣ тоже... Мы у васъ ничего не воровали... Мы только захотѣли поиграть прабабушкинымъ платьемъ... Надя въ гости ко мнѣ, какъ будто, пріѣхала... А я хозяинъ, будто, былъ... Мы бы поиграли и повѣсили снова все на мѣсто... А въ сундукъ мы не лазили... честное слово, нѣтъ. Платье Даша

еще вчера вывѣсила провѣтрить отъ моли... И дверь въ шкапную открыта была... Мы ключа не таскали... А Надю я не дамъ обижать... Она слабая женщина, она сама не сможетъ за себя заступиться. Я долженъ быть ея защитникомъ! Я ея братъ...

— Что?.. Какъ ты смѣешь говорить такъ со мною, негодный мальчишка! Тебя изъ милости держатъ у насъ въ домѣ! Мы тебя съ твоей сестрою кормимъ, поимъ и одѣваемъ, а ты еще смѣешь такъ дерзко разговаривать съ твоими благодѣтельницами,—закричала Нетти, топая ногами и съ угрожающимъ видомъ наступая на мальчика.

— Нетти, не волнуйся! Право же, не волнуйся... Дѣва Марія! Стоитъ ли портить здоровье изъ-за чужого ребенка!—успокаиваясь прежде дочери, говорила Констанція Ивановна.

— Оставьте, mamàn! Неужели вы не видите, до чего доходитъ нахальство этого дерзкаго мальчишки! Мы облагодѣтельствовали его съ головы до ногъ, а онъ...

— Неправду вы говорите,—послышался звонкій голосокъ и маленькая дѣвочка выступила впередъ.

Теперь, когда братъ и сестра находились одинъ подлѣ другого, можно было вполнѣ увѣренно сказать, что это были дѣти-близнецы.

Іи сразу понравились они оба. Было что-то милое, смѣлое и чистое въ обоихъ личикахъ съ одинаковыми глазами и чертами лица, тонко и изящно обрисованными, отдаленно напомнившими Іи лицо стараго князя Юрія Львовича.

Дѣвочка совсѣмъ близко подошла къ Нетти и безъ тѣни смущенія смотрѣла въ ея лицо.

Этотъ взглядъ окончательно вывелъ изъ себя молодую женщину.

— Ахъ, ты, безсовѣстная,—пронзительно выкрикнула Нетти,—да какъ же ты смѣешь грубить мнѣ такъ! Да я... я... тебя... я... тебя...

Злыя слезы задрожали снова въ ея голосѣ. Она задыхалась... Цѣлый потокъ негодующихъ, гнѣвныхъ словъ и упрековъ вырвался изъ ея рта. И безсильная раздѣлаться съ племянницей въ присутствіи Іи молодая Басланова схватилась за голову, бросилась въ близъ стоявшее кресло и разрыдалась навзрыдъ. Ея слезы со вскрикиваніями и воплями, пересыпанныя жалобами и упреками, подняли на ноги весь домъ.

Андрей Аркадьевичъ, успѣвшій переодѣться въ рабочую блузу и растиравшій въ это время краски въ своей студіи, находившейся въ дальнемъ концѣ дома, первый прибѣжалъ въ дѣтскую и съ волненіемъ и тревогой бросился къ женѣ.

— Дѣточка моя... Нетти—моя крошка... Что съ тобою? Что случилось? О чемъ ты плачешь, ангелъ мой, да отвѣть же мнѣ!

— Дѣти... противные, несносные дѣти... они доведутъ меня до могилы,—они убьютъ меня!—нашла, наконецъ, въ себѣ силы между рыданіями простонать молодая женщина.

Андрей Аркадьевичъ съ укоромъ взглянулъ на племянниковъ.

— Жура! Надя! Неужели? Неужели же вы это довели вашу тетю до такого состоянія?—обратился онъ къ нимъ. И такъ какъ близнецы молчали и глядѣли изъ подлобья на своего молодого дядюшку смущенными глазами, Андрей Аркадьевичъ уже непосредственно обратился къ Іи, въ то время какъ княгиня Констанція Ивановна поила водою все еще бившуюся въ истерикѣ Нетти.

— Скажи, пожалуйста, какъ это могло случиться, Іечка? Объясни, ради Бога, въ чемъ дѣло?

Послѣдняя поспѣшила прійти къ нему на помощь. Своимъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ Ія разсказала брату всю происшедшую только что на ея глазахъ сцену. Всегда справедливая и разумная, она незамѣтно для самихъ дѣтей оправдала ихъ въ глазахъ брата, совершенно не виновныхъ по ея мнѣнію, или, если и виновныхъ, то только въ томъ развѣ, что они взяли безъ спросу изъ шкапной прабабушкины наряды и кринолинъ.

По мѣрѣ того, какъ говорила Ія, затихали рыданія Нетти, а когда молодая дѣвушка замолкла, Нетти уже стояла передъ нею, вытянувшись во весь ростъ, уязвленная, негодующая, съ пылающимъ лицомъ и блестящими злыми глазами.

— Такъ вотъ вы какъ, сестрица! Оправдываете въ глазахъ André этихъ несносныхъ дѣтей, которыхъ каждый признаетъ виновными... Это значитъ демонстрація противъ меня? Однако, вы не педагогичны, милая сестрица. Нельзя въ присутствіи дѣтей показывать имъ, что они правы, и порицать поступки ихъ воспитателей.

Эти слова какъ обухомъ по головѣ ударили Ію.

— Богъ знаетъ, что вы говорите, Нетти, — возмутилась она,—да развѣ я порицала вашъ поступокъ?.. Что вы! Я только возстанавливала истину и передавала Андрею фактъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ,—оправдывалась она.

— Неправда, неправда!—заволновалась больше прежняго Нетти,—вы исказили фактъ. Дѣти были грубы, дерзки, а, вы... вы...

— Что здѣсь за шумъ? Нетти, дитя мое, что тебя такъ волнуетъ? А?.. Ія Аркадьевна, добро пожаловать, душев-

но радъ васъ видѣть у насъ!—послышалось съ порога комнаты и, обернувшись къ двери, Ія увидѣла высокаго статнаго старика съ сѣдыми усами и густой не по лѣтамъ, но уже совершенно бѣлой шевелюрой.

Его лицо съ правильными чертами носило на себѣ отпечатокъ достоинства и благородства. Военный сюртукъ отставного генерала, облегавшій его прямую стройную фигуру, еще болѣе молодилъ шестидесятилѣтняго князя Юрія Львовича.

Ія нашла его мало измѣнившимся со дня ихъ послѣдней встрѣчи въ «Лѣсномъ».

— Здравствуйте, здравствуйте, Ія Аркадьевна, чрезвычайно радъ снова увидѣться съ вами. А особенно счастливъ, что вы не отказались воспитывать моихъ проказниковъ,—и говоря это, Юрій Львовичъ протянулъ одну руку Іи, другою потрепалъ густые локоны Нади, успѣвшей броситься къ нему и прильнуть лицомъ къ рукѣ дѣда, въ то время, какъ Жура тоже подбѣжалъ къ нему и обнялъ его съ другой стороны.

По заплаканнымъ глазамъ Нетти и по встревоженнымъ, разстроеннымъ лицамъ окружающихъ, Юрій Львовичъ догадался сразу о происшедшемъ здѣсь недоразумѣніи.

— Опять баталія?—улыбаясь, пошутилъ онъ, стараясь шуткою возстановить желанное спокойствіе.

— Жура, Надя, чѣмъ снова провинились, молодцы? Ну-ка, пожалуйте къ отвѣту! Въ «дежурную комнату» на караулъ, шагомъ маршъ!—скомандовалъ онъ, смѣясь, и дѣти, расцвѣтшія въ одинъ мигъ отъ его шутки, бросились на перегонки вдоль неосвѣщеннаго коридора, по направленію кабинета Юрія Львовича.

— Напрасно ты балуешь ихъ, Жоржъ,—произнесла

недовольнымъ голосомъ княгиня, покачивая головою,—и такъ съ ними сладу совсѣмъ нѣтъ. Разумѣется, разъ они видятъ въ тебѣ поддержку...

— Ты забываешь, Констанція, что этихъ дѣтей нельзя подводить подъ общую мѣрку,—серьезнымъ и грустнымъ голосомъ, перебивая жену, произнесъ князь,—вамъ, Ія Аркадьевна, я разскажу когда-нибудь о судьбѣ этихъ бѣдныхъ малютокъ. Будьте снисходительны къ нимъ. Объ этомъ проситъ васъ ихъ старый дѣдъ.

И сѣдая голова князя низко склонилась передъ молодой дѣвушкой движеніемъ, исполненнымъ изящества и достоинства.

— Ну, теперь начнется еще худшее баловство!—процѣдила Нетти сквозь зубы.—Успокойтесь, papà,—насмѣшливо произнесла она, поджимая губки,—Ія явится достойной послѣдовательницей вашей теоріи по вопросу воспитанія и уже ни въ какомъ случаѣ не обидитъ вашихъ любимцевъ.

— О, я не сомнѣваюсь въ этомъ,—не замѣчая ироніи дочери, отвѣчалъ старикъ. Потомъ, предложивъ руку Ія, онъ провелъ ее въ кабинетъ «дежурную комнату», какъ называлъ по старой памяти князь свою скромную горницу, сравнивая ее шутя съ тою полковою дежурной комнатой, гдѣ вмѣстѣ съ товарищами проводилъ во дни молодости самые пріятные часы.

Это была большая комната, сплошь заставленная книжными шкапами. Широкій зеленый кожаный диванъ и такія же тяжелыя кресла, оружіе, развѣшанное на стѣнѣ, портреты родныхъ и полковыя группы наполняли это скромное, единственное строго-выдержанное во всемъ домѣ помѣщеніе.

На огромномъ письменномъ столѣ, занимавшемъ по-

чти добрую треть комнаты, были разложены какія-то рукописи, исписанныя мелкимъ, какъ бисеръ, характернымъ почеркомъ князя. А надъ столомъ подлѣ портретовъ княгини Констанціи и Нетти находилось изображеніе молодой женщины или дѣвушки, въ простомъ домашнемъ платьѣ, съ гладко причесанной аккуратной головкой.

Тонкое, полное ума и затаенной воли лицо, съ упорной линіей губъ и энергичнымъ подбородкомъ очень напоминало лицо самого князя. Въ немъ было то же изящество, то же благородство линій, но вмѣсто выраженія обаятельной доброты, столь присущей лицу Юрія Львовича, черты молодой особы, изображенной на портретѣ, дышали упорнымъ и стойкимъ характеромъ.

— Моя старшая дочь, Зинаида, мать этихъ клоповъ,— замѣтя любующійся изображеніемъ взглядъ Іи, поспѣшилъ пояснить князь.

А «клопы», между тѣмъ, успѣли уже взгромоздиться на диванъ и занялись дѣдушкинымъ «арсеналомъ», какъ они называли коллекцію оружія, развѣшанную на стѣнѣ. Казалось, вся непріятная исторія, только что разыгравшаяся въ дѣтской, была ими уже забыта.

— Дѣдушка, позволь мнѣ подержаться только за эфесъ твой шпаги... Надя боится, а я ничуточки не боюсь, —возбужденно кричалъ Жура, блестя глазенками. — Ія Аркадьевна, Ія Аркадьевна,—какъ уже къ старой знакомой обращался онъ къ Іи,—здѣсь сдѣлана надпись, глядите, написано: за храбрость. Самъ Государь далъ эту саблю нашему дѣдушкѣ, когда онъ съ горстью молодцовъ-солдатиковъ взялъ непріятельскій редутъ. И эту шпагу и Георгіевскій крестъ нашъ дѣдушка получилъ на войнѣ съ турками.

— Знаете, Ія Аркадьевна,—соскакивая съ дивана, за-

говорила и Надя,—дѣдушка нашъ былъ ужасно храбрый герой!.. И Жура такимъ же героемъ хочетъ быть. Онъ тоже храбрый, весь въ дѣдушку! Только маленькій, а когда выростетъ, просто прелесть какой солдатъ изъ него будетъ.

— Я кавалеристомъ буду, какъ дѣдушка. Я лошадей люблю!.. А вы видѣли дѣдушкину лошадь, Ія Аркадьевна? Вотъ дѣдушкинъ Разбой. Смотрите какой красавецъ! И Жура, схвативъ за руку Ію, потащилъ ее къ изображенію лошади, висѣвшему въ рамѣ на стѣнѣ.

— Все это прекрасно, мои милые,—взявъ за руки дѣтей и притягивая ихъ къ себѣ, проговорила Ія, — и лошадей любить хорошо, и солдатомъ-защитникомъ отечества тоже быть похвально, а вотъ разскажите вы мнѣ лучше, чѣмъ вы занимались до меня, чему учились, что успѣли пройти? Читать и писать, конечно, вы умѣете, что еще знаете, кромѣ этого?—задала вопросъ Ія своимъ будущимъ питомцамъ. Но имъ не пришлось отвѣчать ей. Дверь кабинета въ эту минуту распахнулась и княгиня Констанція Ивановна позвала всѣхъ къ столу.

ГЛАВА II.

Первый вечеръ, проведенный на новомъ мѣстѣ, оставилъ далеко неблагопріятное впечатлѣніе въ душѣ Ія. И если бы не сознаніе, что жизнь ея съ этого дня скрасится близостью брата, которому она сможетъ принести хотя бы небольшую пользу, воспитывая внуковъ его тестя, Ія ни за что бы не согласилась поселиться здѣсь.

Уже не говоря о томъ, что только что происшедшая въ дѣтской сцена оставила тяжелый осадокъ въ душѣ

молодой дѣвушки, первыя впечатлѣнія ея здѣсь были самаго нерадостнаго характера.

Во время обѣда, который начался лишь въ семь часовъ вечера, и который подавала та же нечистоплотная кухарка въ засаленномъ платьѣ, отворившая имъ дверь, успокоенная Нетти трещала безъ умолку. Отъ недавнихъ непріятностей, очевидно, въ душѣ ея не осталось и слѣда. Недавнія слезы были забыты. Говорилось за столомъ о предстоящемъ сегодня зрѣлищѣ, о балетѣ, куда Андрей Аркадьевичъ везъ нынче вечеромъ тещу и жену.

Потомъ бесѣда коснулась будущаго костюмированнаго бала, который долженъ былъ состояться у нихъ, если только американецъ Томсонъ купитъ у молодого художника его новую картину.

Нетти, не зная еще, навѣрное, будетъ ли балъ или нѣтъ, уже пріобрѣла себѣ розоваго атласа на платье для костюма Весенней Зари, который ей обѣщалъ разрисовать акварелью Андрей Аркадьевичъ. И теперь, за столомъ, не умолкая ни на минуту, она звенѣла своимъ птичьимъ голоскомъ о своемъ костюмѣ, о томъ, какимъ великолѣпнымъ выйдетъ это платье, и какой огромный успѣхъ она будетъ въ немъ имѣть.

Дѣти, Надя и Жура, наравнѣ съ остальными слушали эту пустую безсодержательную болтовню. Къ счастью, они были заняты ѣдою и мало, повидимому, обращали вниманія на рѣчи тетки. И все-таки, Ія была безконечно рада, когда закончилась скучная процедура обѣда и ее вмѣстѣ съ ея маленькими воспитанниками выпустили изъ-за стола.

Взявъ дѣтей за руки, она провела ихъ въ дѣтскую.

До укладыванія въ постели имъ оставалось часъ времени или около того.

— При Дашѣ мы иногда ложились и въ двѣнадцать! —объявилъ ей не безъ доли хвастливости Жура.

— Даша, бывало, уйдетъ на кухню, засидится тамъ, да и забудетъ, что насъ пора укладывать,—подтвердила слова брата Надя,—а нашихъ постоянно нѣтъ дома, они каждый вечеръ уѣзжаютъ куда-нибудь. Дядя André еще рѣже, а тетя Нетти съ Константіей Ивановной всегда или въ театръ или на балъ. А то понаѣдутъ сюда гости. Много, много народу. Тетя Нетти поетъ или играетъ на роялѣ. Потомъ, хоромъ всѣ поютъ. Даша откроетъ дверь, а мы, лежа въ постеляхъ, слушаемъ...

Ія съ сожалѣніемъ взглянула на дѣвочку, потомъ перевела глаза на ея брата.—Бѣдныя дѣти,—промелькнула грустная мысль въ ея головѣ,—какое вамъ даютъ воспитаніе. Слушать по ночамъ хоровое пѣніе взрослыхъ или романсы Нетти, вмѣсто того чтобы спать! И тутъ же молодая дѣвушка объявила своимъ воспитанникамъ, что спать они будутъ ложиться съ этого дня ровно въ девять часовъ вечера, потому и обѣдать имъ придется тоже раньше, отдѣльно отъ взрослыхъ, потому что ложиться съ полнымъ желудкомъ вредно для здоровья.

Все это она подробно и толково объяснила близнецамъ. Тѣ совершенно спокойно выслушали ее. Обѣды сообща со взрослыми доставляли имъ мало удовольствія. Если Нетти не представлялось пріятной для нея перспективы ѣхать послѣ обѣда въ театръ или на вечеръ въ гости, то она, по словамъ дѣтей, брюзжала и придиралась къ нимъ за столомъ. Правда, дѣдушка и дядя André всегда заступались за нихъ передъ теткою, но что они могли подѣлать съ Нетти, когда та сердилась и выходила изъ себя.

— Мы терпѣть ее не можемъ, я и Жура,—самымъ от-

кровеннымъ образомъ призналась Іи Надя,—и Констанцію Ивановну тоже. Нетти злая, а Констанція Ивановна ужасно вспыльчивая. Никогда не разберетъ, въ чемъ дѣло, всегда вспылитъ и накричитъ... Мы съ Журой дѣдушку любимъ и дядю Андрюшу тоже... онъ добрый, хоть и слушаетъ все, что тетя Нетти наговариваетъ на насъ, а еще больше дяди любимъ нашу Дашу! Ахъ, Ія Аркадьевна, вы не знаете какая она чудная, какія сказки умѣла разсказывать намъ,—захлебываясь отъ восторга, вскричала Надя.

— Да, да, расчудесныя сказки, страшныя-престрашныя! А тетя Нетти ее прогнала. А вы умѣете разсказывать страшныя сказки?—неожиданно обратился къ Іи Жура.

— Нѣтъ, голубчикъ, страшныхъ сказокъ я не знаю совсѣмъ,—просто отвѣчала Ія,—но за то я знаю то, что не менѣе сказокъ можетъ заинтересовать васъ обоихъ. Я стану разсказывать вамъ то, что бывало на самомъ дѣлѣ, что случалось въ прежнія времена у насъ на Руси и въ чужихъ странахъ, и это, я думаю, понравится вамъ гораздо больше самыхъ страшныхъ небылицъ.

— Ахъ, правда? Неужели? Тогда разскажите намъ, разскажите это все сейчасъ, поскорѣе!—И дѣти запрыгали около Іи, хлопая въ ладоши отъ радости.

— Нѣтъ, мои дорогіе, теперь уже поздно и вамъ пора спать,—возразила Ія.—А завтра утромъ вы много интереснаго, чрезвычайно занятнаго для васъ услышите отъ меня. Теперь же, если хотите сдѣлать мнѣ удовольствіе, раздѣвайтесь скорѣе, мойтесь, причесывайтесь на ночь и молитесь Богу...

— Какъ? Мы должны причесываться на ночь и мыться?—раскрылъ удивленные глаза Жура,—но Даша нико-

гда не требовала отъ насъ, чтобы мы умывались на ночь!

— Да неужели она заставляла васъ ложиться вотъ съ такими руками?—Тутъ Ія, притянувъ къ себѣ мальчика, поймала его грязную, какъ у трубочиста, ручонку и поднесла ее къ его собственнымъ глазамъ.

Жура сконфузился.

— Хорошо, мы будемъ мыться,—сказалъ онъ просто.

Въ десять часовъ дѣти уже спали. Передъ тѣмъ, какъ юркнуть въ свою жесткую, далеко неизящнаго вида кровать, купленную, повидимому, гдѣ-нибудь на толкучкѣ, Надя долго крестила брата и цѣловала его.

— Это я за маму,—замѣтя удивленный взглядъ Іи, устремленный на нее, поспѣшила она объяснить молодой дѣвушкѣ:—я старше Журы на одинъ часъ и должна, какъ старшая, заботиться о немъ.

— А я, ея братъ и мужчина, долженъ защищать ее, какъ слабую женщину,—самымъ серьезнымъ образомъ заявилъ Жура.

Наконецъ, и «слабая женщина» и «маленькій мужчина» улеглись по своимъ постелямъ.

Очень скоро ровное дыханіе дѣтей оповѣстило Ію, что они спали крѣпкимъ сномъ безмятежнаго дѣтства. Заслоняя рукой свѣчу, она приблизилась къ кроваткамъ близнецовъ. Оба ребенка сейчасъ похожи на двухъ маленькихъ ангеловъ, съ ихъ разсыпавшимися по подушкамъ мягкими локонами и спокойными серьезными личиками.

Теперь Ія невольно задала себѣ вопросъ: чѣмъ могли не угодить Нетти эти, насколько она успѣла узнать ихъ, очаровательные ребятки, за что она такъ аттестовала ихъ?..

Съ дѣтей ея мысли перешли на самое молоденькую

хозяйку дома. Время и положеніе замужней женщины, казалось, совсѣмъ не измѣнили Нетти. Это была та же пустенькая, легкомысленная и не въ мѣру себялюбивая дѣвочка, какою впервые встрѣтила ее Ія восемь лѣтъ тому назадъ на верандѣ помѣщичьяго дома въ «Лѣсномъ».

Отъ Нетти думы Іи пошли дальше. Предстоявшая ей жизнь въ домѣ брата съ перваго же вечера, проведеннаго ею здѣсь, не улыбалась ей. И самый домъ этотъ былъ какой-то странный, насколько успѣла замѣтить Ія. Полный хаосъ царствовалъ здѣсь. Не говоря уже о вещахъ, обстановкѣ комнатъ, пріобрѣтенной, очевидно, въ разное время на рынкѣ, частью поломанныхъ, частью запачканныхъ, Ія успѣла разглядѣть сегодня и грязные неподметенные полы и нечистыя стекла на окнахъ и запачканную скатерть. Разрозненный сборный сервизъ, отбитыя ручки на мискахъ и соусникахъ, треснувшія и вдобавокъ плохо вымытыя тарелки, и самый обѣдъ съ жидкимъ супомъ, похожимъ на какую-то бурду, съ перегорѣвшими котлетами, все это говорило за то, что хозяйка въ этомъ домѣ мало заботилась объ удобствахъ живущихъ въ немъ другихъ членовъ семьи.

Повидимому, ни Констанція Ивановна, ни Нетти понятія не имѣли о томъ, какъ вести хозяйство. А, между тѣмъ, Андрею Аркадьевичу, какъ главному работнику семьи, былъ нужнѣе, чѣмъ кому-либо другому въ домѣ, своевременно поданный здоровый и вкусный обѣдъ.

Съ мысли о братѣ, Ія перешла на себя.

Вотъ передъ нею та комната, гдѣ она должна отнынѣ проводить съ дѣтьми большую часть своего времени. У нея нѣтъ здѣсь своего уголка. Въ пансіонѣ госпожи Кубанской въ этомъ отношеніи ей было много лучше и

спокойнѣе. Молодая дѣвушка могла во всякое время уйти къ себѣ за ширмы, спрятаться отъ людей въ ту минуту жизни, когда взрослому человѣку такъ цѣнно бываетъ одиночество. А здѣсь не было даже и такого удобства. Правда, эти милые близнецы, Надя и Жура, сразу понравились ей, но и даже самые симпатичные люди въ мірѣ, случается, могутъ помѣшать своимъ присутствіемъ. А между тѣмъ она должна была даже спать въ одной комнатѣ съ ними. Но дѣлать было нечего. Приходилось мириться и съ этимъ неудобствомъ, тѣмъ болѣе, что гораздо болѣе тяжелое обстоятельство волновало Ію: мысль о взбаломошномъ характерѣ Нетти не давала ей покоя. Какъ-то уживется она, Ія, съ молоденькой хозяйкой дома, и какія непріятныя минуты могутъ еще ожидать ее здѣсь впереди, разъ въ первый же вечеръ ея пріѣзда сюда могла разыграться такая нелѣпая, такая бурная сцена!

Ія такъ глубоко задумалась надъ предстоявшимъ ей житьемъ-бытьемъ подъ кровлей брата, что не слышала приблизившихся къ двери шаговъ, не видѣла появившейся на порогѣ фигуры и очнулась только тогда, когда незнакомый голосъ произнесъ подлѣ нея:

— Здравствуйте, барышня. Простите за безпокойство. Хотѣла въ послѣдній разъ ангелковъ моихъ, Наденьку съ Журочкой повидать.

И молодая дѣвушка съ бойкимъ лицомъ и живыми веселыми, добрыми глазами предстала передъ Ією.

— Вы должно быть Даша?—догадалась Ія.

— Такъ точно, Даша. Навѣстить, повидать моихъ любимчиковъ забѣжала. На кухнѣ у Маріи спрятамши была, пока господа не уѣхали. А потомъ думаю, дай зайду. Марья и то говоритъ: барышня, гувернантка новая—доб-

рая, знать, что за барчатъ заступилась передъ барыней намедни, такъ иди безъ сумлѣній въ дѣтскую, Даша, не прогонитъ небось. Барчатъ своихъ погляди. Вотъ и пришла, не обезсудьте, барышня...

И она низко по-крестьянски въ поясъ поклонилась Іи. Потомъ на цыпочкахъ подошла къ дѣтскимъ кроваткамъ и долго любовалась сонными дѣтьми.

— Наденька—ангелочекъ Божій... Журочка, ненаглядный соколикъ мой;—зашептала она быстрой скороговоркой, склоняясь надъ спящими,—кто васъ, сиротокъ болѣзныхъ, пригрѣетъ, приласкаетъ безъ Даши-то! Кто заступится за васъ!

— Барышня! Миленькая!—вдругъ неожиданно обратилась она къ Іи,—не давайте ихъ, барышня, «нашей-то» въ обиду. Вѣдь, не приведи Господь, какъ въ заграницѣ-то она, да и здѣсь съ ними послѣднее время обращалась. А мнѣ каково-то на это было глядѣть!.. Вѣдь я, почитай, больше трехъ лѣтъ при нихъ состояла. Отъ маменьки ихней, отъ Зинаиды Юрьевны шесть мѣсяцевъ тому назадъ къ князю въ чужую землю, въ Венецію, сама же отвозила съ барыней матерью ихней... Барыня-то уѣхала моя, а я при нихъ и осталась. Чего не навидалась только, охъ, Господи! Сколько обидъ изъ-за ангелочковъ моихъ перенесла. Княгиня Константція-то Ивановна еще туда сюда, горяча да отходчива, а Анастасія Юрьевна — что твой звѣрь-аспидъ, такъ и налетаетъ на ребятъ, такъ и норовитъ обидѣть ихъ. Вѣрите ли, мочи моей больше не стало видѣть все это, согрубила ей нынче, всю правду матку какъ есть отрѣзала, да и ушла.

— Напрасно ушли, Даша. Дѣти безъ васъ скучать будутъ, привыкли они къ вамъ.

— Привыкли, ангелочки, что и говорить привыкли,

а только не приведи Богъ прожить съ барыней молодой хоть одну недѣлю. Жаль мнѣ васъ, барышня, до смерти, да и вамъ скажу, хошь сердитесь на меня, хошь нѣтъ, а не жилица и вы въ здѣшнемъ домѣ, даромъ что Андрею Аркадьевичу родною сестрицей приходитесь. Помяните мое слово, недолго вы останетесь съ аспидкой этой, молодой барыней здѣсь.

И долго еще говорила на эту тему Даша, то отходя къ дѣтскимъ кроватямъ и любуясь спящими дѣтьми, то снова приближаясь къ Іи и развертывая передъ молодою дѣвушкою рядъ самыхъ безотрадныхъ печальныхъ фактовъ, происходившихъ въ семьѣ Вадберскихъ и Баслановыхъ.

— Жаль мнѣ сердечно и братца вашего, Андрея Аркадьевича,—говорила Даша,—потому, какъ хорошій они господинъ. Не на долго ихъ при такой жизни хватитъ. Работаютъ они, трудятся день и ночь, почитай, въ своей мастерской картины пишутъ, мѣсяцами сидятъ надъ ими, картинами этими-то, а продали, смотришь, денежки получили и опять ничего нѣтъ. По счетамъ отъ портнихъ разныхъ для молодой барыни такъ всѣ и разойдутся. Все какъ есть до единой копеечки на наряды да выѣзды Анастасіи Юрьевнѣ идетъ.

— Ужъ такъ-то жаль молодого барина, такъ жаль, что и сказать невозможно,—заключила, едва не плача, свой разсказъ Даша.

Поздно вечеромъ ушла она изъ дѣтской, предварительно перекрестивъ и поцѣловавъ спящихъ дѣтей и оставивъ новый рядъ сомнѣній въ душѣ Іи.

ГЛАВА III.

— Пятью шесть?

— Тридцать.

— Восемью три?

— Двадцать четыре!

— Семью девять?

Надя замялась на мгновенье.

— Семьдесятъ два!—неудачно подсказалъ сосѣдкѣ Жура.

— Жура, не тебя спрашиваю, а сестру,—не повышая голоса, произнесла Ія.

— Дрянной мальчишка! Тебя за уши слѣдуетъ выдрать за твои подсказки,—сердито закричала Нетти, сидѣвшая тутъ же съ тетрадью моднаго журнала въ рукахъ.

Сконфуженный и красный, какъ ракъ, Жура замолкъ и виновато опустилъ голову.

— Ну, Надя, отвѣть, сколько по-твоему будетъ семь разъ девять?—снова обратилась къ дѣвочкѣ Ія.

Та молчала.

— То-есть удивительно тупица эта Надька,—нетерпѣливо двигаясь на своемъ мѣстѣ, говорила сердитымъ голосомъ Нетти,—ничего не знаетъ, самыхъ обыкновенныхъ вещей, простую таблицу умноженія и то сколько времени задолбить не можетъ.

— Не пугайте дѣвочку, Нетти, вы видите она и такъ растерялась совсѣмъ, — тихо по-французски, чтобы не быть понятой дѣтьми,—обратилась къ золовкѣ Ія.

— Какъ же, испугаешь ее!—отвѣчала ей громко по-русски Нетти.—Лѣнтяйка она и упрямица, на рѣдкость. Ну, говори же, сколько семью девять будетъ—не скажешь,

за уши отдеру,—также сердито накинулась она на Надю, грозно сдвигая свои черныя брови.

Дѣвочка задрожала. Ея маленькій братъ весь насторожился и подтянулся, готовый каждую минуту защитить сестренку.

— Надя, голубчикъ,—подойдя къ дѣвочкѣ и положивъ ей руку на плечо, проговорила Ія,—подумай хорошенько надъ моимъ вопросомъ, а главное не волнуйся, никто не тронетъ тебя пальцемъ, увѣряю тебя.

Едва успѣла произнести эти слова Ія, какъ въ ту же минуту Нетти, красная какъ піонъ, съ дрожащими губами очутилась передъ нею.

— Какъ вы смѣете! Какъ вы смѣете!—не раскрывая рта, зашипѣла она по адресу невѣстки.

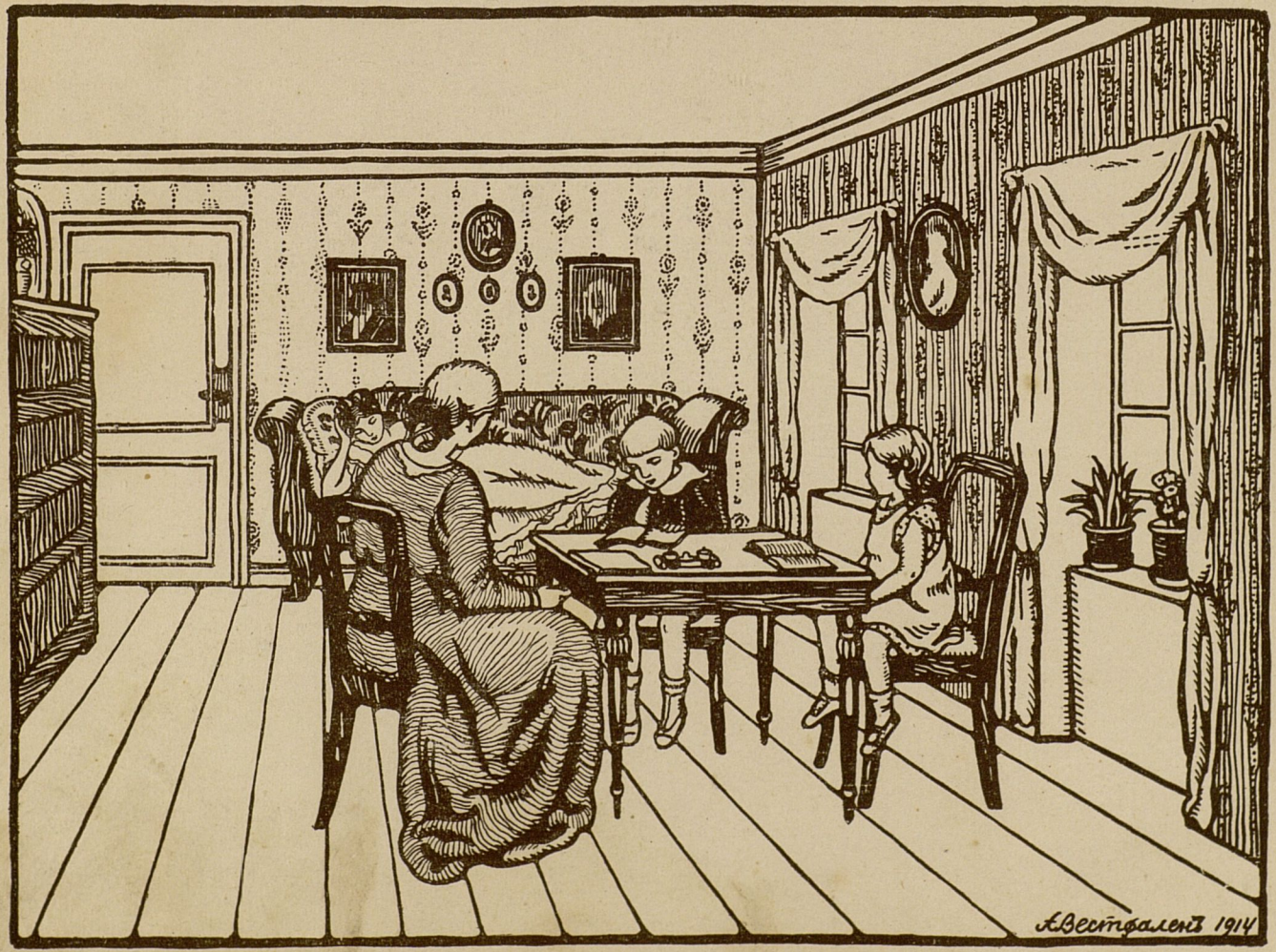
— То-есть, что я смѣю?—не поняла Ія.

— Такъ говорить со мною... Дискредитировать меня въ глазахъ этихъ идіотскихъ дѣтей. Разъ я говорю, что смѣю выдрать за уши эту глупую, безтолковую дѣвчонку,—то значитъ могу сдѣлать это... А вы отрицаете... Какъ смѣете вы это отрицать?

— Послушайте, Нетти,—снова переходя на французскій языкъ, произнесла Ія,—мы поговоримъ съ вами послѣ урока обо всемъ этомъ, а теперь не мѣшайте мнѣ заниматься съ дѣтьми.

— Какъ? Что? Я мѣшаю вамъ заниматься? Да что это за травля, за заговоры противъ меня! Я вѣдь буду жаловаться на васъ... Вы еще только недѣлю здѣсь, а уже Богъ знаетъ, что позволяете себѣ со мною. Я не потерплю этого, я не перенесу! Я хозяйка въ домѣ, вы должны уважать меня,—кричала Нетти, не мало не смущаясь присутствіемъ дѣтей.

Въ первую минуту Ія было растерялась, но, сдѣлавъ


А.Вестфаленъ 1914

усиліе надъ собою и забравъ себя въ руки, стараясь быть спокойной, она снова обратилась къ женѣ брата:

— Вы напрасно такъ волнуетесь, Нетти. Я и въ мысляхъ не имѣла васъ обижать. Что же касается того, что неудобно заниматься при создавшихся условіяхъ,—то это совершенно вѣрно. Съ дѣтьми слѣдуетъ говорить спокойно, иначе вы совершенно изнервируете ихъ.

Послѣднія слова не долетѣли по назначенію, такъ какъ Нетти демонстративно вскочила со стула и, помахивая моднымъ журналомъ, направилась къ дверямъ. На порогѣ она остановилась и сердито бросила по адресу Іи съ затаенной угрозой:—Мы еще побесѣдуемъ съ вами на эту тему, сестрица!—и выскочила за порогъ, сильно хлопнувъ дверью.

— Слава Богу! Терпѣть не могу, когда она торчитъ на урокахъ. Только Надю напугала, противная!—горячо вырвалось у Журы, тревожно глядѣвшаго на сестру.

— Господи и когда только она оставитъ насъ въ покоѣ!—вздохнула Надя.—Если бы вы знали, Ія Аркадьевна, какая мука была, когда она занималась до вашего пріѣзда съ нами... Каждую минуту обрывала, кричала, топала ногами, а иногда больно шипала и била насъ линейкой по рукамъ. Еще хорошо, что на ея крики приходилъ дѣдушка и отнималъ насъ у нея. А то бы такая злючка, какъ тетя Нетти, на смерть могла бы забить насъ.

— Перестань говорить глупости, Надя, какъ можешь ты такъ отзываться о теткѣ, которая заботится о тебѣ съ братомъ,—остановила дѣвочку строгимъ голосомъ Ія.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы ошибаетесь, заботится не она, а дѣдушка и дядя Андрюша,—неожиданно вступилъ въ разговоръ Жура,—а она только кричитъ и дерется или

по цѣлымъ днямъ платья примѣряетъ и часами передъ зеркаломъ вертится, вотъ сами увидите когда-нибудь.

— Ну, ты еще слишкомъ молодъ, чтобы критиковать поступки старшихъ,—осадила расходившагося мальчика Ія,—и перестань осуждать другихъ. Послушай лучше, что Надя скажетъ, сколько по ея мнѣнію будетъ семью девять, а потомъ я разскажу вамъ обоимъ нѣчто очень интересное изъ древняго прошлаго Россіи. Ну-ка, Надюша.

— Шестьдесятъ три? Да?

— Вотъ и прекрасно. Вполнѣ вѣрно. А теперь подвигайтесь ко мнѣ оба. Я разскажу вамъ про древнюю славную княгиню Ольгу... Вы не слышали разсказа о томъ, какъ она отомстила варягамъ за смерть князя Игоря, ея мужа?

— Нѣтъ, нѣтъ, не слышали! Разскажите намъ, Ія Аркадьевна, разскажите намъ поскорѣе,—весело въ одинъ голосъ закричали дѣти.

Ія приказала убрать тетрадки и учебникъ математики и тогда только приступила къ уроку исторіи, какъ она называла тѣ полныя захватывающаго интереса собесѣдованія съ дѣтьми, во время которыхъ она знакомила своихъ маленькихъ воспитанниковъ съ прошлымъ Русской земли, съ ея выдающимися дѣятелями и героями. И эти собесѣдованія лучше всякихъ страшныхъ сказокъ няни Даши занимали Надю и Журу, заставляя въ то же время легко запоминать величайшія событія изъ прошлаго нашего государства.

— А... добро пожаловать, Іечка! Что скажешь, родная?

Большая свѣтлая комната гостепріимно улыбнулась

всѣми своими четырьмя окнами Іи, лишь только она переступила ея порогъ.

Андрей Аркадьевичъ въ рабочей блузѣ, замазанной во многихъ мѣстахъ красками, только что усердно работавшій кистью за мольбертомъ, на которомъ помѣщалась почти законченная имъ картина, отбросилъ палитру и кисть въ сторону и протянулъ руки сестрѣ.

— Рѣдкая ты у меня гостья, Іечка, совсѣмъ забываешь брата,—съ ласковымъ упрекомъ говорилъ онъ.

— Это оттого только, что я боюсь тебѣ помѣшать, Андрюша, ты такъ занятъ постоянно,—оправдывалась молодая дѣвушка.

— Занятъ-то я занятъ, это правда, но тебя я радъ видѣть всегда. И не только изъ любви къ тебѣ, сестричка, нѣтъ, болѣе матеріальныя причины руководятъ мною въ данномъ случаѣ,—разсмѣялся Андрей.—Ты всегда такъ удачно подмѣчаешь пробѣлы въ моихъ картинахъ, такъ мѣтко оцѣниваешь ихъ достоинства, что приносишь мнѣ этимъ несомнѣнную пользу. И гдѣ ты только пріобрѣла это тонкое чутье къ искусству, сестра? Удивляюсь, право. Впрочемъ, у тебя ко всему кажется врожденная способность, Іечка. Ты вотъ только недѣлю живешь у насъ, а, между тѣмъ, нельзя узнать дома! Комнаты подметены, пыль всюду стерта, даже занавѣси на окнахъ тщательно подштопаны и чистая скатерть на столѣ постоянно ласкаетъ глазъ. Спасибо, сестренка. За дѣтей тебя уже и не благодарю. Узнать съ твоего пріѣзда не могу Надю и Журу. Бывало, цѣлыми днями безцѣльно слоняются по комнатамъ, мѣшаютъ всѣмъ, пристаютъ съ разспросами, а теперь и голоса ихъ не слышно. Золото, а не дѣти стали, нахвалиться на нихъ не могу. И учатся они, кажется, гораздо лучше, нежели съ Нетти.

— Кстати, ты упомянулъ о Нетти, Андрюша, не можешь ли ты уговорить Нетти не присутствовать на моихъ урокахъ съ дѣтьми? У нея своя особенная система, съ которой я никакъ не могу помириться. Не хорошо волновать безъ толку и запугивать дѣтей.

— А развѣ Нетти запугиваетъ? Да развѣ можетъ запугать кого-нибудь этотъ милый, добрый, безпечный ребенокъ? Кстати, я на-дняхъ хочу порадовать ее. Картина уже куплена Томсономъ. Онъ же купитъ и другую, которую я готовлю для выставки. Такимъ образомъ, я буду имѣть возможность побаловать Нетти, устроить тотъ костюмированный вечеръ, о которомъ она такъ давно мечтаетъ,—и при этихъ словахъ глаза молодого художника заблестѣли особеннымъ, мягкимъ блескомъ и все лицо озарилось ласковой любовной улыбкой. Потомъ, помолчавъ немного, онъ добавилъ:

— Іечка, позволь поблагодарить тебя за то, что ты избавляешь мою женушку отъ непріятной обязанности слѣдить за хозяйствомъ и погружаться въ прозу житейскую. Есть натуры, исключительно созданныя для того, чтобы однимъ своимъ видомъ радовать глазъ окружающихъ. Точно прелестный тепличный цвѣтокъ, который несетъ уже тѣмъ радость людямъ, что тѣ имѣютъ право смотрѣть на него. И Нетти принадлежитъ къ этой исключительной группѣ людей. Ради ея обаятельности, ея дѣтской непосредственности и очарованья, ей многое можно простить, и ея маленькіе капризы и капельные недостатки. Взгляни, такимъ именно цвѣткомъ, нарядной бабочкой я и изобразилъ ее.

Тутъ Андрей Аркадьевичъ подвелъ сестру къ одной изъ картинъ, съ которой, улыбаясь невинной улыбкой, въ костюмѣ неаполитанской рыбачки глядѣла Нетти.

Ія взглянула на картину и отвела глаза. Бѣдный Андрюша, какъ онъ ослѣпленъ! Какъ онъ слѣпо любитъ эту вздорную, пустенькую женщину, какія несуществующія качества отыскиваетъ въ ней! Какими чарами околдовала его эта волшебница Нетти!—думала не безъ горечи Ія, скользя машинально глазами по картинамъ, разставленнымъ на мольбертахъ и развѣшаннымъ по стѣнамъ студіи.

На каждомъ шагу здѣсь попадались или капризное личико Нетти, или ея глаза, или гордая улыбка ея яркихъ губокъ...

И даже въ большой картинѣ, проданной Андреемъ Аркадьевичемъ американцу Томсону, въ одномъ изъ ангеловъ, изображенныхъ на картинѣ, Ія узнала Нетти.

Теперь она поняла одно: ея добрый, благородный, но удивительно мягкій и слабохарактерный братъ окончательно и безповоротно подпалъ подъ вліяніе Нетти, которую онъ самымъ чистосердечнымъ образомъ считалъ милымъ, непосредственнымъ ребенкомъ, не видя тѣхъ недостатковъ, которые такъ бросались въ глаза каждому свѣжему человѣку при первомъ же знакомствѣ съ нею.

Не стремясь разочаровывать брата и въ то же время желая оградить себя отъ непріятныхъ случайностей, Ія еще разъ попросила Андрея Аркадьевича уговорить Нетти не присутствовать на ея урокахъ съ дѣтьми.—А то, воля твоя, Андрюша, придется мнѣ уѣхать отъ васъ, искать болѣе подходящаго мѣста,— шутливо пригрозила она.

— Нѣтъ, нѣтъ, только не уѣзжай,—испуганно вскакивая со стула и хватая за руку Ію, вскричалъ молодой художникъ.—Вѣдь только съ твоимъ пріѣздомъ водворился у насъ порядокъ въ домѣ. Ты и за хозяйствомъ

присмотришь, и обѣды при тебѣ стали лучше и князю его мемуары подиктовать успѣваешь, а о дѣтяхъ и говорить нечего. Для нихъ ты незамѣнимый кладъ. Я тоже отдыхаю за послѣднее время дома...

— Тсс! Тсс! Не хвали меня такъ громко, Андрюша, не ровенъ часъ, сглазишь,—шутливо погрозила ему пальцемъ Ія.

Вдругъ она чутко насторожилась и стала прислушиваться...

— Сдается мнѣ, что кто-то подслушиваетъ насъ у порога,—произнесла она шопотомъ и, быстро подбѣжавъ къ двери, широко распахнула ее.

— Ай!

Нетти едва успѣла отскочить во-время и тѣмъ избавиться отъ шишки, которая неминуемо должна была бы водвориться на ея не въ мѣру любопытной головкѣ.

— Вы, кажется, подслушивали, фи, какой ужасъ!— непроизвольно вырвалось у Іи и она невольно отступила назадъ, съ нескрываемой брезгливостью глядя въ лицо головкѣ.

Нетти, красная и сконфуженная, стояла передъ нею и теребила въ смущеніи широкій поясъ своего шелковаго пеньюара. Но такое состояніе молодой женщины длилось не долго. Въ слѣдующую минуту она оправилась вполнѣ и осыпала Ію цѣлымъ градомъ упрековъ.

— Я, подслушивала? Я? Да очень мнѣ нужно подслушивать, когда André и такъ говоритъ мнѣ все, дѣлится со мною каждой малостью. Можетъ быть, у васъ была такая манера, Ія, въ бытность вашу классной дамой—подслушивать и подглядывать за воспитанницами, а я не имѣю этого обыкновенія. И стыдно вамъ упрекать меня, лгать на меня, какъ на мертвую, ставить меня въ смѣш-

ное положеніе въ глазахъ André, о, я не перенесу этого! Не перенесу... André, развѣ ты не видишь, какъ меня обижаютъ?

— Но моя дѣтка, Ія...—началъ было смущенный и потерявшійся Баслановъ.

— Молчи, молчи! Я знаю, что ты будешь на ея сторонѣ!.. Еще бы:—вѣдь Ія умница, золотыя ручки, ты и вздохнулъ только свободно съ той минуты, какъ она здѣсь... Ты и обѣдать сталъ лучше съ тѣхъ поръ, какъ она наблюдаетъ за столомъ и прислугой. Да, да, не отпирайся, я сама слышала, какъ ты сей...

Вдругъ Нетти замолкла и еще больше покраснѣла. Она только сейчасъ спохватилась, что выдала себя. Малиновая отъ стыда, Нетти прибѣгла къ послѣднему средству—бросилась въ кресло и забилась въ громкихъ умышленно несдержанныхъ рыданьяхъ, пересыпая ихъ неистовыми криками и воплями.

Скорѣе, съ сожалѣніемъ, нежели съ насмѣшкой смотрѣла теперь Ія на молодую женщину, симмулировавшую нервный припадокъ.

Андрей Аркадьевичъ хлопоталъ около жены, то подавалъ ей воду, то подносилъ къ ея носу флаконъ съ нюхательными солями, и, растирая ей спиртомъ виски, утѣшалъ ее какъ ребенка:

— Полно, радость моя, полно, дѣточка... Ангелъ мой... да перестань же ты плакать, ради Бога... Посмотри лучше, какіе узоры я выбралъ для твоего костюма... Здѣсь будутъ бабочки... тутъ цвѣты... тамъ прекрасная большая птица, огромная ласточка—вѣстница весны. И все это разрисую на ало-розовомъ фонѣ.—Не правда ли прелестно?

— Пре-е-ле-ест-но!—всхлипывая, пролепетала Нетти,

мгновенно приходя въ себя и заинтересовываясь рисунками, сдѣланными для нея мужемъ на длинныхъ полосахъ атласа.

— Ну вотъ, ну вотъ и прекрасно! Дѣточка успокаивается, дѣточкѣ лучше. А теперь я принесу моей крошкѣ валерьяновыхъ капель для полнаго успокоенія. Сію минуту принесу.

И высокая широкоплечая немного сутуловатая фигура Андрея Аркадьевича исчезла за дверью.

Едва только молодой художникъ вышелъ изъ комнаты, слезы Нетти исчезли совсѣмъ. Злая, мгновенно поблѣднѣвшая отъ охватившаго ее бѣшенства, вскочила она съ кресла и, съ ненавистью глядя въ глаза Іи, закричала на всю комнату:

— Ну ужъ этого-то я вамъ никогда не прощу, дрожайшая сестричка! И отплачу за все, за все!

— Что такое? Чего не простите? За что хотите мнѣ отомстить?—пожала плечами несказанно изумленная ея словами Ія.

— Не притворяйтесь, пожалуйста, и не корчите изъ себя воплощенную невинность. Вы думаете, я не слышала, что вы говорили здѣсь?

— Мудрено было не слышать, разъ вы подслушивали у двери,—тонко улыбнулась Ія.

— Ха, ха, ха,—зло расхохоталась Нетти,—ну, да, подслушивала, если хотите, и ничуть не стыжусь. Что-жъ изъ этого? Въ иныхъ случаяхъ даже необходимо прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, когда на тебя клевещутъ близкимъ людямъ тайные, подпольные враги...

— Подпольные враги?.. Богъ знаетъ, что вы говорите, Нетти!

— Говорю то, что думаю, и не считаю себя отнюдь ви-

новатой передъ вами, а что правда глаза колетъ нѣкоторымъ особамъ, разыгрывающимъ изъ себя святошъ, такъ это—неоспоримая истина,—съехидничала молодая женщина.

— Мнѣ остается только уйти изъ комнаты, потому что я, кажется, раздражаю васъ однимъ моимъ присутствіемъ,—спокойно произнесла Ія, направляясь къ двери.

— А я все-таки не забуду вамъ никогда того, что вы нажаловались на меня andré и отплачу вамъ, повторяю, за всѣ ваши козни. Во мнѣ не даромъ течетъ итальянская кровь и предки мои никогда не прощали нанесенной имъ обиды!—гордо, не совсѣмъ естественнымъ тономъ, становясь въ позу трагической актрисы, произнесла Нетти, смѣривая Ію съ головы до ногъ.

Послѣдняя только снова пожала плечами, едва удерживаясь отъ улыбки. Не чувствуя за собой никакой вины, она не нашла нужнымъ оправдываться передъ золовкой и, сухо кивнувъ головой Нетти, вышла изъ студіи, оставивъ ее одну.

ГЛАВА IV.

— Смотри-ка, Іечка, кого я тебѣ привелъ!

Весь запушенный снѣгомъ Андрей Аркадьевичъ стоялъ на порогѣ прихожей въ то время, какъ Ія съ дѣтьми собирались итти на обычную ежедневную прогулку.

— Катя! Катя!—радостно вырвалось у Іи и съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ она обняла младшую сестренку.

Счастливая, радостная, смѣющаяся стояла Катя передъ сестрою. Около двухъ мѣсяцевъ не видались онѣ.

Ии не было времени навѣщать сестру. Она вся ушла въ заботы по дому, а главное по воспитанію Нади и Журы, довольствуясь тѣми короткими извѣстіями, которыя приносилъ ей о младшей сестрѣ Андрей Аркадьевичъ, навѣщавшій Катю. Онъ нѣсколько разъ порывался взять къ себѣ въ отпускъ сестру, но всякій разъ Ія его отговаривала отъ этого:

— Не надо, Андрюша, не надо... Катя, хотя и очень измѣнилась къ лучшему, стала много содержаннѣе и серьезнѣе за послѣднее время, но, въ сущности, она все-таки слишкомъ шаловлива и «непосѣда», чтобы не безпокоить Констанцію Ивановну и Нетти,—каждый разъ находила она одинъ и тотъ же мотивъ, одну и ту же отговорку не брать Катю гостить въ домъ брата.

Въ сущности, молодая дѣвушка опасалась совсѣмъ другого. Не шаловливости Кати боялась она, а новыхъ могущихъ вспыхнуть между Нетти и младшей сестренкой, такихъ же недоразумѣній, жертвою которыхъ все чаще и чаще являлась теперь сама Ія.

— Нѣтъ, ужъ Богъ съ нею, пусть посидитъ лучше въ пансіонѣ, благо не одна она тамъ, многія дѣвочки остаются на праздники въ интернатѣ. По крайней мѣрѣ, подальше отъ грѣха,—рѣшила молодая дѣвушка, стараясь побороть въ себѣ желаніе провести день-другой въ обществѣ младшей сестры,—а на лѣто вмѣстѣ на Волгу поѣдемъ, поселимся въ Яблонькахъ у мамы подъ крылышкомъ,—утѣшала она себя тутъ же розовой надеждой.

И вотъ, вопреки ея рѣшенію, Катя была здѣсь, сіяющая, радостная, возбужденная.

При одномъ взглядѣ на ея счастливое личико у Ии не хватило духа упрекать Андрея Аркадьевича за то, что онъ привезъ, не спросивъ ея совѣта, младшую сестру.

— На все Рождество!.. На всѣ праздники отпустили!.. Ты подумай, Іечка, Андрюша безо всякихъ разговоровъ увезъ до самаго Крещенія. Вотъ-то радость! Лидія Павловна даже наставленія не успѣла прочесть, какъ мнѣ надо держаться въ гостяхъ. Живо-живо на извозчика и маршъ-маршемъ...—трещала Катя.—Наши всѣ тебя просили поцѣловать. А особенно Шура Августова и Зюнгейка тоже... Зюнгейка даже письмо написала тебѣ ужасными каракульками, да я впопыхахъ въ интернатѣ его забыла... Ахъ, Іечка, если бы ты только знала, какой у насъ ревъ поднялся въ отдѣленіи, когда Лидія Павловна намъ объявила, что ты совсѣмъ оставила мѣсто и не вернешься къ намъ... А Зюнгейка даже на чердакъ плакать убѣжала, говоритъ, тамъ подъ шумъ вѣтра не такъ слышно будетъ. Ей чуть за поведеніе кола не поставили за это. А новая классная дама ничего себѣ, добрая, тихая, только разговаривать не любитъ много... Все сидитъ и молчитъ... А Шура-то, Шура какъ измѣнилась! Совсѣмъ другая стала и съ твоей карточкой (у меня ее выпросила), даже ночью не разстается, подъ подушку къ себѣ кладетъ... А къ Зюнгейкѣ отецъ-башкирецъ пріѣхалъ. Важный, такой сѣдой, въ халатѣ и тибетейкѣ. И всѣмъ «ты» говоритъ и начальницѣ, и инспектору... И еще новость... Оля Глухова палецъ себѣ проколола булавкой... Рѣзали палецъ-то, нарывать сталъ... ужасъ какой!.. А у Воргъ, помнишь Саню Воргъ, черненькая такая, бабушка умерла въ прошлое воскресенье. На похороны Саню возили...

Точно изъ рога изобилія, сыпятся слова изъ малиноваго ротика Кати. Смуглое личико дѣвочки разгорѣлось и пылаетъ яркимъ румянцемъ. И горятъ ярко, какъ звѣздочки, черные жизнерадостные глаза.

— Ахъ, душки какіе! Вотъ картинки-то! Маленькіе человѣчки, какъ васъ зовутъ?—внезапно замѣтивъ Надю и Журу, приходитъ въ неописуемый восторгъ Катя.

— Батюшки, да вѣдь они двойняшки!—весело кричитъ она, вызывая этимъ всеобщій хохотъ.

— Дѣва Марія, да неужели же это—Катя? Та самая маленькая Катя, которую я мелькомъ видѣла спеленутою на рукахъ нашей сосѣдки Юліи Николаевны?—прозвучалъ позади собравшейся въ прихожей маленькой группы пѣвучій голосъ княгини Констанціи Ивановны.

— Ахъ, Боже мой, Катя! Но она прелестна!—съ обворожительной улыбкой вскричала Нетти и экспансивно бросилась на шею гостьѣ.

— Душка моя! Можно васъ поцѣловать?

Ія глазамъ своимъ не вѣрила при видѣ такой встрѣчи. Да неужели же Нетти, та самая Нетти, которая за эти полтора мѣсяца ея пребыванія здѣсь, то и дѣло язвитъ ее и преслѣдуетъ насмѣшками, награждая то и дѣло замѣчаніями, эта самая Нетти сразу такъ обласкала ея младшую сестренку.

— Maman, maman, глядите! Кого она напоминаетъ вамъ? Меня, не правда ли меня, когда я была въ ея возрастѣ. André, что ты на это скажешь? А вы papa? Идите же, идите сюда знакомиться съ Катей!

Разумѣется, между Нетти и Катей не было никакого сходства, и прелестное, правильное, но несимпатичное всегда надутое лицо первой ничуть не походило на привлекательное, смуглое, жизнерадостное личико Кати, но тѣмъ не менѣе это несуществующее сходство въ угоду Нетти всѣ поспѣшили признать. Потомъ молодая хозяйка дома схватила за руку Катю и потащила ее къ себѣ.

— Я вамъ покажу мой костюмъ, Катя, собственно-

ручно разрисованный André. Онъ по ночамъ надъ нимъ работалъ, бѣдняжка, за то и костюмъ же вышелъ—чудо, мечта, а не костюмъ. Кстати, я и для васъ подыщу что-нибудь подходящее изъ моего гардероба. Да и причешу васъ по модѣ, за одно. Теперь такихъ причесокъ никто не носитъ, и у васъ съ нею настоящій видъ сандрильоны. Я же, какъ добрая волшебница, превращу васъ сейчасъ въ прекрасную принцессу нѣсколькими движеніями рукъ. Да? Хорошо?

Весь этотъ фейерверкъ словъ, обѣщаній и тонкой лести оглушилъ Катю. Нетти увлекала ее къ себѣ, не давая ей возможности поздороваться со старымъ княземъ, спустившимся со своего верху привѣтствовать юную гостью.

Озабоченная Ія старалась всячески подлѣ себя удержать младшую сестру.—Простите, Нетти, но прежде нежели развлекаться нарядами, Катя должна разсказать мнѣ, какъ она училась вторую четверть года въ пансіонѣ, показать свои отмѣтки и написать поздравительное письмо матери къ празднику,—проговорила она.

— Ахъ, оставьте, пожалуйста, вашу манеру классной дамы, милая Ія, увѣряю васъ, она вамъ не къ лицу,—съ дѣланнымъ смѣхомъ возразила Нетти.

— А по-моему, Ія Аркадьевна права, дѣло и дѣло раньше всего, а потомъ уже развлеченья,—вмѣшался въ разговоръ князь Юрій Львовичъ.

Но Нетти, недовольная, уже надула губки.

— Катя, душка моя, неужели вы не хотите пойти со мною?

Что было отвѣчать Катѣ? Она находилась какъ въ туманѣ. Представленіе о дѣйствительности замутилось въ ея головкѣ. Она никакъ не могла понять, какимъ обра-

зомъ Нетти, которую она, Катя, еще два—три года тому назадъ терпѣть не могла, сейчасъ относится къ ней съ такимъ доброжелательствомъ. И самой Катѣ Нетти не казалась уже такой антипатичной, какъ прежде. А обворожительная улыбка, несходившая съ губъ Нетти, и адресованное Катѣ ласковое выраженіе ея восторженныхъ въ эту минуту глазъ отчасти уже покорили дѣвочку.

Однако, строго поднятыя брови Іи и ея безмолвное приказаніе, переданное Катѣ непосредственно большими сѣрыми глазами, дали новое направленіе мыслямъ дѣвочки.

— Я сейчасъ же вернусь къ вамъ, лишь только напишу письмо мамѣ,—торопливо и смущенно, объявила она Нетти.

— Только скорѣе, скорѣе!—нетерпѣливо командовала та вслѣдъ уходившей за сестрою и дѣтьми Катѣ:

— А спать вы должны у меня въ будуарѣ... Непремѣнно! Слышите? А то разсержусь. Въ дѣтской вамъ негдѣ поставить постели, а у меня вамъ будетъ вполнѣ удобно,—довершила она свою любезность по отношенію молоденькой гостьи.

— Знаешь, Ія, я до сихъ поръ и не знала Нетти... Помнишь, постоянно бранила ее, а она премилая оказывается,—чистосердечно признавалась Іи по дорогѣ въ дѣтскую Катя.

Старшая сестра ничего не отвѣтила младшей. Присутствіе дѣтей мѣшало ей высказать правду. Но въ душѣ Іи было далеко не спокойно въ эту минуту. Она всѣми силами старалась угадать тактику Нетти по отношенію Кати и никакъ не могла ее понять. Уже въ дѣтской, пока дѣти снимали верхнее теплое платье, Ія успѣла отвести Катю въ сторону и шепнуть ей:

— Послушай, сестренка, не поддавайся такъ опрометчиво чужому вліянію. Помни: «не все то золото, что блеститъ»... Старайся, несмотря на твой юный возрастъ, узнавать людей, а если тебѣ самой не справиться съ этой задачей, обратись за совѣтомъ къ тѣмъ, кто искренно и по настоящему желаетъ тебѣ добра.

— Іечка! Милая! Да что съ тобою? Ты какъ будто встревожена чѣмъ-то... Или не рада, что я пріѣхала къ тебѣ?—уже начиная волноваться, допытывалась Катя.

— Нѣтъ, рада, милая, рада!—внезапно вырвалось у Іи и она съ такой непривычной ей страстною нѣжностью обняла сестру, какъ будто хотѣла этимъ объятіемъ оградить Катю отъ грядущихъ на ея пути несчастій.

А черезъ минуту, какъ ни въ чемъ не бывало, избѣгая удивленнаго взгляда сестры, вопросительно посматривавшей на нее, Ія, уже совладавъ со своимъ порывомъ, говорила спокойно:

— Ну, маленькая Катя, садись писать поздравленье нашей дорогой старушкѣ...

Сама Ія писала въ далекія Яблоньки еженедѣльно. А каждый мѣсяцъ посылала матери весь свой заработокъ, отказывая себѣ во всемъ. Хотѣлъ попрежнему помогать матери и Андрей Баслановъ, но Ія сумѣла отговорить его, ссылаясь на то, что теперь онъ отрѣзанный ломоть и что Самъ Богъ велѣлъ ему отнынѣ заботиться о его собственной семьѣ. Но все-таки, Андрей Аркадьевичъ сумѣлъ урвать отъ суммы, переданной ему американцемъ Томсономъ небольшую часть, и послалъ эти деньги матери, никому не говоря объ этомъ ни слова.

ГЛАВА V.

— Я спрошу...

— Нѣтъ, я... Тебѣ попадетъ еще, пожалуй...

— Да вѣдь я не у тети Нетти пойду спрашивать, а у Ии Аркадьевны...

— Ну, тогда другое дѣло. Ступай. И я пойду съ тобою.

Ія стояла у окна гостиной и тщательно подштопывала замѣченную ею наканунѣ дыру на занавѣси. Былъ рождественскій сочельникъ и кое-кто изъ знакомыхъ Вадберскихъ и Баслановыхъ были приглашены встрѣтить его здѣсь.

На улицѣ падалъ снѣгъ большими мокрыми хлопьями. Стояла оттепель. Дворники усиленно работали лопатами, уничтожая грязь. Погода походила скорѣе на осеннюю, между тѣмъ, какъ святки наступали обычно студеные.

Ія работала иглой и перебирала въ памяти, все ли закуплено ею къ вечеру, по порученію Андрея.

— Варенье, конфеты, фрукты... закуски: сардины, икра, сигъ копченый, ростбифъ, ветчина, сыръ... За селедками новую горничную послать надо... Вино самъ Андрюша принесетъ...—перечисляла она.

— А, малыши! Что вамъ надо?

Передъ Іей стояли Надя и Жура. Личики дѣтей хранили сосредоточенное выраженіе.

Ія—врагъ всякой сентиментальности—никогда не ласкала близнецовъ, но, тѣмъ не менѣе, дѣти такъ привязались къ ней и полюбили ее за ея ровное справедливое обращеніе съ ними, что часа не могли провести безъ нея.

— Вижу по глазамъ, что какое-то у васъ до меня дѣло.—И дѣло притомъ огромной важности,—шутила дѣвушка, оставляя свою работу и вопросительно поглядывая на дѣтей.

— Вы угадали, Ія Аркадьевна, дѣло есть,—тономъ серьезнаго взрослаго человѣка, произнесъ Жура.

— Очень важное дѣло,—подтвердила и его сестренка.

— Вотъ видите ли, когда мы жили у мамы, то у насъ...—началъ мальчикъ.

— Бывала всегда елка въ сочельникъ,—подхватила Надя.

— Маленькая такая елочка на столѣ...

— Мамочка ее покупала потихоньку сюрпризомъ для насъ и украшали ее на кухнѣ, а послѣ обѣда вносили совсѣмъ уже украшенную и ставили на столѣ.

— А мы зажигали уже свѣчи сами...

— Ахъ, какъ это было весело!—вскричалъ Жура.

— Ужасно весело!—вторила ему Надя.

— А теперь елки не будетъ!—внезапно мѣняя тонъ, печальнымъ дуэтомъ произнесли малютки.

Ія взглянула въ затуманившіяся личики дѣтей и сердце ея вспыхнуло жалостью къ малюткамъ. Такъ остро захотѣлось ей въ эту минуту, чтобы прояснились сейчасъ эти милыя личики. «Вѣдь сочельникъ—дѣтскій праздникъ и никто иной, какъ дѣти должны въ память родившагося въ Виѳлеемѣ Младенца праздновать его»,—мелькнуло въ головѣ молодой дѣвушки.

Она задумалась на минуту. Потомъ сказала съ улыбкой:—А, пожалуй, можно еще устроить елку. Подождите меня здѣсь, дѣтвора. Я пойду поговорить съ дядей Андрюшей по этому поводу.

— Ахъ!—и затуманенные личики мигомъ прояснi-

лись. Двѣ пары голубыхъ дѣтскихъ глазенокъ загорѣлись надеждой.

— Пожалуйста, Ія Аркадьевна, попросите его позволить намъ устроить сегодня елку! Вѣдь мы хорошо учились и вели себя при васъ?—смущенно просила Надя.

Она имѣла право говорить такъ сейчасъ, эта маленькая дѣвочка съ глазами, похожими на двѣ голубыя звѣздочки. За два слишкомъ мѣсяца пребыванія въ домѣ Іи близнецы не были замѣчены ни въ чемъ дурномъ. Ихъ классными занятіями Ія тоже была вполнѣ довольна.

Поэтому, когда молодая дѣвушка рѣшительными шагами направилась въ студію брата, дѣти, считая дѣло покупки елки уже рѣшеннымъ, стали оживленно совѣщаться о ней.

Въ мастерской Андрея Аркадьевича сидѣла Нетти. Безъ дальнихъ вступленій Ія просто обратилась къ молодому художнику:

— Послушай, Андрюша, дѣти мечтаютъ о елкѣ, не найдешь ли ты возможнымъ устроить ее имъ?

— Разумѣется, разумѣется, какъ это я могъ забыть о нихъ! Извини, пожалуйста, Іечка. Вотъ возьми деньги... Онѣ лежатъ вонъ тамъ, на столѣ,—засуетился молодой художникъ, отбрасывая кисть и палитру.

Внезапно присутствующая здѣсь Нетти отложила въ сторону тоненькую съ безвкусно раскрашенной обложкой книжку, на заголовкѣ которой крупными буквами значилось: «Натъ Пинкертонъ» и взволнованно заговорила:

— А по-моему, всѣ эти елки одна только глупая трата денегъ, а удовольствія отъ нихъ не получается никакого. Сама я въ дѣтствѣ ихъ терпѣть не могла. Къ тому же, теперь намъ пригодится каждый лишній рубль. Еще не всѣ счета уплачены. Да и нашъ костюмированный ве-

черъ обойдется не дешево. Сегодня тоже тратъ предстоитъ не мало. А тутъ еще извольте бросать деньги на какія-то глупости. Увольте, Ія, мы не Ротшильды, и такъ André день и ночь работаетъ на семью. Избавьте его хоть отъ такихъ лишнихъ расходовъ, какъ никому ненужная елка,—уже замѣтно раздраженнымъ тономъ, заключила Нетти.

— Но... дѣти такъ хотѣли устроить, хотя бы маленькую елочку!—невольно смущаясь, настаивала Ія.

— Ахъ, полноте, пожалуйста, дѣти глупы и ровно ничего не понимаютъ. Къ чему имъ елка, когда есть гораздо болѣе интересныя удовольствія для нихъ. Можно свести ихъ въ циркъ или въ балетъ, какъ-нибудь, на утренній спектакль. Наконецъ, для нихъ явится уже огромнымъ развлеченіемъ смотрѣть на насъ, когда мы, взрослые, будемъ танцовать на костюмированномъ балу.

— Значитъ вы противъ устройства елки?—мѣняясь въ лицѣ, уже холодно, спросила Ія.

— Безусловно.

— А ты, Андрюша?

Въ слѣдующую же секунду взглянувъ на брата, молодая дѣвушка пожалѣла о заданномъ вопросѣ. Смущенный и сконфуженный сидѣлъ за мольбертомъ Андрей Баслановъ, стараясь избѣгать взглядомъ глазъ сестры.

Онъ былъ жалокъ. Не будучи въ состояніи прекословить своей взбаломошной и эгоистичной супругѣ, Андрей сознавалъ, тѣмъ не менѣе, на этотъ разъ всю ея неправоту. Не говоря ни слова, не взглянувъ даже на золовку, Ія вышла изъ мастерской.

— Бѣдныя дѣти! Бѣдныя дѣти!—проносилось въ головѣ дѣвушки:—на пустячное удовольствіе для васъ нѣтъ денегъ, а на костюмированные балы и глупѣйшіе наряды

ихъ бываетъ съ избыткомъ,—горько думала она, впервые въ жизни ненавидя виновницу этихъ горькихъ думъ.

Лишь только она открыла дверь въ гостиную, Надя и Жура бросились къ ней.

— Ну, что, Ія Аркадьевна, что? Позволилъ дядя Андрюша? — съ захватывающимъ интересомъ спрашивали дѣти.

Ія взглянула на эти преображенныя радостью и тревогой личики, и у нея не хватило духу огорчить близнецовъ.

— Одѣвайтесь-ка скорѣе, малыши, и идемъ покупать деревцо и украшенія,—произнесла, невольно краснѣя, молодая дѣвушка.

Къ счастью, дѣти не замѣтили ея смущенія и, хлопая въ ладоши, бросились въ припрыжку исполнять приказаніе молоденькой наставницы.

А черезъ какой-нибудь часъ времени, всѣ трое возвращались съ сіяющими отъ удовольствія лицами, нагруженные всевозможными сверточками и пакетами домой. Артельщикъ несъ за ними красивое деревцо. И елка и украшенія были безъ вѣдома дѣтей пріобрѣтены на скудные гроши Іи, оставшіеся отъ денежной посылки, отправленной матери, и предназначенные на покупку самыхъ необходимыхъ для нея вещей. Безъ малѣйшаго колебанія сдѣлала это Ія.

Елку рѣшено было украшать въ дѣтской втихомолку отъ взрослыхъ и Ія приняла самое дѣятельное участіе въ этихъ хлопотахъ къ полному удовольствію счастливой дѣтворы. . . . . .

Вечеръ... Къ восьми часамъ оттепель неожиданно смѣнилась крѣпкимъ морозцемъ. Мокрые хлопья снѣга

не падали уже больше. Теперь едва-едва снѣжило... Грязь и лужи затянуло ломкимъ стекляннымъ ледкомъ.

Стемнѣло. На небѣ появилась въ общемъ хорѣ золотыхъ созвѣздій на рѣдкость яркая и крупная Виѳлеемская Звѣзда. Улицы замѣтно опустѣли. Рѣдкіе въ этотъ вечеръ прохожіе спѣшили по домамъ встрѣтить праздникъ у себя дома или подъ кровомъ друзей и близкихъ.

Наверху, въ дѣтской, уже заканчивались послѣднія приготовленія къ елкѣ, навѣшивались послѣднія картонажи, когда оживленная и радостная вбѣжала сюда Катя. Обычно гладко и просто причесанная въ одну косу голова дѣвочки теперь преобразилась. Вычурная прическа съ крѣпко завитыми кудряшками совершенно измѣнила смуглое Катино лицо и состарила его по крайней мѣрѣ лѣтъ на десять. Въ рукахъ Катя держала что-то яркое, покрытое блестками и мишурою.

— Смотри, смотри, что Нетти мнѣ подарила,—захлебываясь отъ восторга, кричала дѣвочка, подсовывая къ самому лицу Іи пестрые блестящіе лоскутки,—немножко подчистить и перешить придется только и что за чудесный костюмъ Мотылька выйдетъ у меня изъ этого къ балу! Тутъ мы посадимъ крылышки или банты въ видѣ крылышекъ, а здѣсь цвѣтокъ. Какъ ты думаешь, цвѣтокъ или розетку изъ лентъ?—внезапно дѣлаясь серьезной, спрашивала сестру Катя.

— Катя, Катя, смотрите, какая елка у насъ! сейчасъ зажигать будемъ?!—прыгая вокругъ дѣвочки, радостно кричали Надя и Жура.

— Что? Елка? Очень мило, очень мило,—разсѣянно и не глядя на украшенное деревцо, машинально роняла Катя, вся уходя въ свои личныя переживанія.

— Катя, да что съ тобою? Я рѣшительно не узнаю тебя

съ нѣкоторыхъ поръ.—И бросивъ перевязывать какой-то пестрый пряникъ съ картинкой, Ія съ удивленіемъ взглянула на младшую сестру.

За эти нѣсколько дней, проведенныхъ совмѣстно съ Катей, она рѣшительно отказывалась понимать сестру.

Начать съ того, что теперь Нетти не отпускала Катю ни на шагъ отъ себя и дѣвочка была, повидимому, очень довольна этимъ. Онѣ ѣздили вмѣстѣ на прогулку, ѣздили, а не ходили, потому что ходить пѣшкомъ Нетти терпѣть не могла, называя это мужицкимъ удовольствіемъ, посѣщали многочисленныхъ знакомыхъ Нетти, а главное, ежедневно бѣгали по Гостиному Двору, по цѣлымъ часамъ простаивая у витринъ магазиновъ, или же проводили дома безконечные часы въ бесѣдахъ о платьяхъ, о костюмахъ, прическахъ и развлеченіяхъ.

Нетти сумѣла такъ заинтересовать Катю въ самый короткій срокъ и своею шумной суетливой жизнью и своими интересами, что дѣвочка въ какую-нибудь недѣлю вся съ головой окунулась въ эту блестящую, пустую и безсодержательную жизнь къ полному удивленію и неудовольствію Іи. Прежнее чувство враждебности Кати къ невѣсткѣ, которое она испытывала въ Яблонькахъ, исчезло безслѣдно. Напротивъ, теперь она стала горячей сторонницей Неттиныхъ интересовъ и страстно привязалась къ ней.

Молодая женщина умѣла во-время подольстить дѣвочкѣ, удовлетворить ея тщеславіе восторженными отзывами о ея внѣшности, умѣла своевременно обласкать болѣзненное самолюбіе Кати. Въ представленіи Кати, Нетти являлась теперь и умницей, какихъ мало, и обворожительной красавицей и шикарной свѣтской дамой, которой необходимо подражать. И сама Катя, какъ могла, подра-

жала Нетти: походкой, звукомъ голоса, манерой говорить.

Но то, что шло взрослой замужней женщинѣ, звучало диссонансомъ въ пятнадцатилѣтнемъ подросткѣ.

Сейчасъ, по модѣ причесанная, вся ушедшая въ рѣшеніе сложнаго по ея мнѣнію вопроса, посадить ли ей цвѣтокъ или ограничиться розеткой на юбкѣ маскараднаго костюма, Катя показалась старшей сестрѣ жалкой и пустой.

— Катя, милая Катя, кто подмѣнилъ тебя?—прошептала съ горечью Ія, пользуясь тѣмъ, что увлекшіеся приготовленіемъ елки близнецы не могли слышать ее.

— Я не понимаю, что значатъ твои слова, Ія?

— А я не могу понять, что стало съ моей милой, простой и естественной сестренкой. Неужели же эти нѣсколько дней, проведенные въ тлетворной обстановкѣ, могли такъ измѣнить тебя?

— Какія глупости! Ничто меня не измѣнило и я осталась такою же, какъ и прежде,—вспыхнувъ до ушей, произнесла Катя, отворачиваясь отъ сестры. Тогда Ія взяла ее за руку и глядя ей въ лицо, проговорила:

— Неужели же мамѣ доставило бы удовольствіе видѣть тебя такою?..

— Какою?—Глаза Кати говорили за то, что она отлично поняла сестру, но ложное самолюбіе мѣшало ей признаться въ этомъ, и она махнула рукою, заученнымъ, перенятымъ у Нетти жестомъ и, ломаясь, проговорила:

— Какою? Скажи на милость, я не понимаю тебя.

— Катя! Катя, стыдись! Къ чему эти ломанья, эти вычурныя прически, этотъ неестественный тонъ!.. Неужели въ Яблонькахъ...

— Барышня, пожалуйте, въ столовую чай разливать,

молодая барыня васъ просить приказали, — прервала Ію появившаяся на порогѣ франтоватая новая горничная.

— Что, Луша, собрались уже гости?—подскакивая къ дѣвушкѣ, живо заинтересовалась Катя.

— Собрались, барышня, какъ же.

— Много?

— Кажись, что много.

— Ахъ, Боже мой,—засуетилась Катя,—гдѣ у васъ тутъ зеркало?... Неужели вы можете обходиться безъ зеркала,—мечась по комнатѣ, лепетала она,—негдѣ прическу поправить даже.

— Ты помнишь, въ Яблонькахъ, мы обходились совсѣмъ безъ зеркалъ,—напомнила ей сестра.

— Ну, вотъ еще глупости, то я въ Яблонькахъ, а то въ Петербургѣ,—досадливо пожала плечами Катя. Здѣсь собирается избранное общество и не могу же я, Андрюшина сестра, ходить какъ кухарка!—и съ этими словами Катя, забравъ съ собою свои блестящія тряпки, помчалась въ будуаръ Нетти, отведенный для нея.

— Ну, дѣти,—обратилась по ея исчезновеніи къ близнецамъ Ія,—вы тутъ навѣшивайте оставшіеся картонажи и пряники, а я пойду внизъ разливать гостямъ чай. Потомъ вернусь и зажжемъ елку.

— А мы не подождемъ «кого-то»... «Кто-то», по-моему, долженъ прійти сегодня,—заикнулся было Жура.

— «Кто-то» не забудетъ насъ въ такой день,—подтвердила и Надя, лукаво поблескивая глазенками.

Но Ія не слышала уже дѣтей. Она была за дверью.

ГЛАВА VI.

За чайнымъ столомъ въ столовой собралось большое общество. Войдя въ комнату, Ія прежде всего увидѣла Нетти, нарядную, веселую, оживленную, въ новомъ блестящемъ туалетѣ, съ вычурной прической изъ фальшивыхъ локоновъ.

Констанція Ивановна, едва ли не менѣе нарядная, нежели дочь, помогала послѣдней занимать гостей. Нѣсколько дамъ и барышень пожилыхъ и молоденькихъ окружило ихъ. Андрей Аркадьевичъ, успѣвшій смѣнить рабочую блузу на сюртукъ, сидѣлъ среди мужчинъ на дальнемъ концѣ стола. Тамъ же Ія замѣтила двухъ странно знакомыхъ ей по виду молодыхъ людей, кавалерійскаго юнкера, чернаго, вертляваго съ усиками юношу лѣтъ двадцати и рыжеволосаго студента въ довольнотаки потрепаной тужуркѣ.

Юнкеръ тотчасъ же вскочилъ при видѣ Іи со своего мѣста, и, звеня шпорами, подбѣжалъ къ ней.

— Мое почтенье, Ія Аркадьевна. Узнаете.

Это былъ младшій сынъ князя, Валерьянъ, котораго въ дѣтствѣ встрѣчала Ія.

Старшій, рыжій Леонидъ, тоже поднялся со стула, неуклюжей походкой съ розвальцемъ подошелъ къ молодой дѣвушкѣ и съ силой тряхнулъ ея руку.

— Здравствуйте, барышня, будемъ знакомы,—грубоватымъ голосомъ произнесъ онъ.

Разница между обоими братьями бросалась въ глаза при первомъ же взглядѣ на обоихъ. Насколько изящный, хотя и пустой, Валерьянъ по первому впечатлѣнію казался сыномъ своихъ родителей, выглядя несмотря на свой верт-

лявый и легкомысленный видъ, отпрыскомъ стариннаго аристократическаго рода, настолько рыжій Леонидъ выглядѣлъ простолюдиномъ.

Но Іи онъ понравился больше своего изысканно-одѣтаго блестящаго брата. И она съ удовольствіемъ пожала его руку, бросивъ мимолетный взглядъ на его старенькую тужурку и открытое, нѣсколько угрюмое лицо.

— А и измѣнились же вы, барышня, съ того дня, какъ я васъ видѣлъ, будучи еще мальчишкой,—говорилъ Леонидъ басомъ, усаживаясь подлѣ Іи, занявшей мѣсто за самоваромъ въ то время, какъ черненькій Валерьянъ занялся Катей, успѣвшей прибѣжать сюда раньше сестры и оживленно болтавшей съ двумя сосѣдками сверстницами Нетти, барышнями Кутузовыми, Сашенькой и Аделью.

— Князь Валичка, князь Валичка,—кричали обѣ барышни, заглушая другъ друга,—покажите намъ фокусъ, вы обѣщали. Помните?

Валерьянъ, никогда не помнившій своихъ обѣщаній, если они не касались лошадей и верховой ѣзды, до которой онъ былъ большой охотникъ, тѣмъ не менѣе поспѣшилъ очень охотно удовлетворить желанье гостей.

Онъ показывалъ барышнямъ фокусъ за фокусомъ, очень довольный тѣмъ, что обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, и немного рисуясь подъ устремленными на него взглядами. Его хорошенькое женоподобное лицо фарфоровой куклы съ черными глазами и черными усиками такъ и сіяло самодовольствомъ. Онъ, какъ настоящій опытный фокусникъ, со всѣми заимствованными у послѣдняго пріемами, глоталъ ножи, отрѣзалъ себѣ палецъ, рвалъ и снова склеивалъ носовой платокъ.

Это было забавное зрѣлище. И взрослые и молодежь

съ удовольствіемъ забавлялись имъ, прихлебывая чай со всевозможными печеньями и кексами.

Іи, то и дѣло, приходилось наполнять чашки и стаканы.

Леонидъ вызвался помогать ей. Но онъ дѣлалъ это такъ неудачно, что успѣлъ уронить ложку и разбить хрустальное блюдечко для варенья.

— Нѣтъ ужъ увольте меня, князь, плохой вы помощникъ,—улыбаясь, отстранила его молодая дѣвушка.

— А вы лучше не бранитесь, милая барышня,—пробасилъ Леонидъ, хмуря рыжія брови.

— То-есть какъ это не бранитесь,—удивилась Ія.

— Да очень просто, княземъ обозвали. Нешто это не брань? Терпѣть не могу, когда меня титулуютъ. Если я имѣлъ несчастье княземъ родиться, такъ это только горе для меня. Князь, у котораго нѣтъ денегъ и который долженъ висѣть на шеѣ у старика отца, потому только, что давать уроки—при княжескомъ титулѣ—это значитъ вооружать противъ себя тѣхъ бѣдняковъ, которые имѣютъ большее право на заработокъ, нежели я...

— Но вы такъ молоды, учитесь еще...—попробовала утѣшить юношу Ія.

— Вотъ то-то и бѣда, что поздно схватился за умъ и перешелъ въ университетъ; тутъ хоть дѣло дѣлаешь, а не коптишь небо, какъ мой дражайшій братецъ и его товарищи... Вонъ видите тѣхъ лоботрясовъ, что увиваются около Нетти...

Ія, не мало удивленная такимъ признаніемъ юноши, который въ дѣтствѣ казался ей совсѣмъ инымъ, мерзскимъ и гадкимъ мальчикомъ, взглянула въ сторону невѣстки и увидѣла двухъ молодыхъ людей, юнкера судя по формѣ, однокашника Валерьяна и совсѣмъ

еще юнаго офицерика, оживленно бесѣдовавшихъ съ Нетти.

До ушей Іи долетали фразы:

— Итакъ, мы танцуемъ въ слѣдующее воскресенье... Чудесно... Вы обѣщали мнѣ всѣ кадрили и мазурку.

— Неправда! Неправда! Только первую кадриль и котильонъ...

— Mais parole d'honneur! (Но честное же слово).

— Нѣтъ, нѣтъ, лучше и не говорите! Я вѣдь помню.

— А вы видѣли тотъ костюмъ, который мнѣ разрисовалъ André?

— Умопомрачительно! Да!

— По розовому фону цвѣты и бабочки, бабочки и цвѣты...

— Восторгъ! Адски красиво, воображаю!

— Ія, chère Ія, налейте еще чаю корнету Пестольскому,—неожиданно черезъ весь столъ обратилась къ молодой дѣвушкѣ Нетти.

— Va! Новость въ домѣ,—шопотомъ произнесъ молоденькій корнетъ, наклоняясь къ плечу Нетти,—а вы насъ и не познакомили съ нею, княжна!

— Какая же я княжна, перестаньте, я замужняя дама, madame Басланова,—кокетливо надувая губки, произнесла капризнымъ тономъ Нетти,—и прошу, monsieur, это-то ни въ коемъ случаѣ не забывать.

— Постараюсь, прелестная бывшая княжна,—дурачился офицерикъ.

— Опять? Вотъ вамъ за это!—И Нетти слегка ударила его по рукѣ.

— А она весьма недурна эта барышня за самоваромъ,—произнесъ другой кавалеръ Нетти, юнкеръ Дима Нико-

лаевъ, товарищъ Валерьяна, издали наблюдая Ію,—право же, очень и очень мила,—добавилъ онъ, ломаясь.

— Вы находите?—Тутъ Нетти насмѣшливо прищурила глазки,—можетъ быть, вы и правы, но эти провинціалки совсѣмъ не умѣютъ держаться въ обществѣ,—понижая голосъ, объясняла она своимъ кавалерамъ.

— Она вамъ родственница?

— Да... нѣтъ... дальняя....—краснѣя, буркнула Нетти,—а вотъ тамъ направо сидитъ ея младшая сестра. Эта лучше, хотя и глупа ужасно... Вообразите, что ни скажу, все принимаетъ за чистую монету. Воображаетъ себя красавицей, ха, ха, ха! Да, а притомъ раболѣпно подражаетъ мнѣ во всемъ. Совсѣмъ маленькая обезьянка.

— Да неужели?—протянулъ Пестольскій.

— Честное слово. Ей можно Богъ вѣсть чего наболтать, она всему повѣритъ.

Всѣ трое при этихъ словахъ устремили глаза на Катю, оживленно болтавшую въ это время съ Валерьяномъ.

— Гм... Гм... что если попробовать поухаживать за нею,—произнесъ, покручивая усики, Николаевъ.

— За такой дѣвчонкой? Не смѣшите лучше!—расхохоталась Нетти.

— Вотъ именно, надо посмѣшить, а кстати и самому посмѣяться.—И говоря это, юноша незамѣтно пересѣлъ поближе къ Катѣ и вмѣшался въ ея разговоръ съ княземъ Валерьяномъ.

Катя была въ восторгѣ отъ своего кавалера. Не успѣла она прійти сюда, какъ наслушалась столько пріятныхъ комплиментовъ!

Ей говорили, что она удивительно интересна, что ея скромный костюмъ ей такъ къ лицу, а эта модная прическа такъ подходитъ къ ея типу.

Бѣдная Катя! Она не умѣла отличать самой грубой лести отъ правды и юная головка ея кружилась отъ восторга. Выраженіе счастья не покидало теперь ея смуглой рожицы, манеры сразу пріобрѣли самоувѣренность. Она съ апломбомъ отвѣчала своимъ кавалерамъ. И, сама того не замѣчая, ломалась и гримасничала, то и дѣло неестественно вскрикивала и смѣялась, стараясь въ то же время копировать всѣ движенія и манеры Нетти.

Ія видѣла все и любящею душой сестры замѣчала то, что ускользывало отъ вниманія самой Кати. Болѣзненно сжималось сердце молодой дѣвушки:

— Такъ вотъ оно что! Такъ вотъ чѣмъ отплатила ей Нетти. Она умышленно лестью и притворною дружбою портитъ Катю, хочетъ сбить съ толку бѣдную легковѣрную дѣвочку и сдѣлать ее посмѣшищемъ въ глазахъ другихъ.

Нѣтъ, нѣтъ, она, Ія, не должна допускать этого! Она обязана охранять сестру отъ всякихъ обидъ и насмѣшекъ.

Мысль о Катѣ такъ прочно овладѣла молодой дѣвушкой, что она не замѣчала, какъ ея сосѣдъ князь Леонидъ внимательно разглядывалъ ее. И только когда его густой, грубоватый голосъ зазвучалъ снова, Ія обратила вниманіе на своего сосѣда.

— Смотрю я на васъ, барышня, и диву дивлюсь. Одна вы здѣсь среди присутствующихъ живой человѣкъ,—произнесъ Леонидъ, прямо глядя въ строгіе глаза Іи.

— А другіе что же? Мертвые по-вашему?—Не могла не улыбнуться та.

— Не совсѣмъ мертвые, но и неживые какіе-то, куклы на пружинахъ, автоматы, право... Вы загляните на барышенъ только: какія все безсодержательныя лица съ моей дражайшей сестрицей включительно, такъ и напи-

сано у нихъ на лбу:—«здѣсь не думаютъ—ибо не любятъ тратить времени даромъ». А прически-то? Вороньи гнѣзда, пугалы огородныя, смотрѣть противно!

— А вы не смотрите,—снова усмѣхнулась Ія и тихонько позвала сестру:

— Катя, иди сюда. Разливай чай за меня, мнѣ необходимо пойти въ дѣтскую.

Катя, недовольная тѣмъ, что ее оторвали отъ крайне интересной для нея бесѣды, нехотя встала и подошла къ сестрѣ.

— Катя, голубушка, будь проще и сдержаннѣй,— успѣла шепнуть ей незамѣтно Ія, уступая сестрѣ свое мѣсто за самоваромъ.

Злые огоньки зажглись въ глазахъ Кати.

— Нельзя ли безъ замѣчаній,—не разжимая губъ, буркнула она и тихонько шепнула въ слѣдъ старшей сестрѣ, но такъ, что только одна Ія могла ее разслышать:

— Классная дама безъ мунштровки не можетъ шагу ступить.

— Катя!—съ упрекомъ вырвалось было у старшей сестры, но, не желая обращать на себя всеобщаго вниманія, Ія предпочла молча удалиться изъ столовой, хотя сердце молодой дѣвушки еще тревожнѣе сжалось въ эту минуту.

Теперь она видѣла ясно: Нетти сдержала свое обѣщаніе. Нетти отплатила ей: смущая и портя эту бѣдную Катю, оказавшуюся такой легкомысленной и не въ мѣру довѣрчивой.

«Ужъ скорѣе бы проходили эти праздники и уѣзжала бы отсюда Катя... Богъ знаетъ, какія еще дурныя причуды можетъ вселить въ нее Нетти. А на Пасху ни за что не возьму ее сюда. Пусть лучше поскучаетъ тамъ, у себя въ интернатѣ, весною же увезу въ Яблоньки на здоровый

воздухъ, въ здоровую деревенскую обстановку.—И, порѣшивъ на этомъ, Ія спѣшными шагами поднялась наверхъ.

— Ну вотъ и я, дѣти, теперь будемъ зажигать елку!—весело, какъ ни въ чемъ ни бывало, крикнула она съ порога, открывая дверь въ дѣтскую.

И тотчасъ же удивленная слегка подалась назадъ. При ея появленіи съ кресла поднялась молодая женщина, одѣтая скромно, почти бѣдно, въ черномъ старенькомъ платьѣ съ воротничками и рукавчиками ослѣпительной бѣлизны. Густые волосы молодой особы были гладко причесаны на ровный, какъ ниточка, проборъ. Худощавое блѣдное лицо было спокойно и строго.

— Зинаида Градова,—назвалась незнакомка, крѣпко по-мужски пожимая руку Ія,—мать вотъ этихъ малышей.

Тутъ движеніемъ, исполненнымъ неожиданной нѣжности, такъ мало соотвѣтствующей ея строгому виду, молодая женщина притянула къ себѣ Журу и Надю и стала ласково гладить ихъ по головкамъ.

— Такъ вотъ кто это,—пронеслось вихремъ въ головѣ Ія,—недаромъ такимъ знакомымъ кажется мнѣ ея лицо. Я видѣла его однажды на портретѣ въ кабинетѣ князя.

А Зинаида Юрьевна, между тѣмъ, прямо глядя въ глаза Ія, говорила своимъ энергичнымъ сильнымъ голосомъ:

— Я рада повидать васъ, Ія. Можно въ силу родства называть васъ такъ? Да, рада познакомиться съ вами и поблагодарить васъ за моихъ ребятъ. Богъ знаетъ, что за воспитаніе они получали до вашего появленія въ домѣ! Я всегда занята, вы знаете, отецъ говорилъ вамъ, должно быть, что я задалась цѣлью окончить медицинскіе курсы, чтобы дать дѣтямъ въ своемъ скромномъ углу (она особенно подчеркнула послѣднее слово) безбѣдное суще-

А. Вестфаленъ 14.

ствованіе и вести ихъ на личныя средства, не прибѣгая къ помощи другихъ, даже отца. Съ этою цѣлью я и учусь цѣлыми днями, съ этою же цѣлью и довѣрила временно дѣдушкѣ внучатъ. И уже раскаиваюсь въ послѣднемъ. Судя по многому, жизнь малютокъ далеко не сладка въ этомъ домѣ и, если бы не вы, Ія, которая сумѣла скрасить здѣшнее житье-бытье моимъ близнецамъ, я бы взяла ихъ сейчасъ же обратно, хотя и живу въ одной комнатѣ, снятой отъ жильцовъ. А это было бы не легко. Такъ дайте же пожать вашу руку, Ія, и отъ души поблагодарить васъ за все.

И она снова сильно, не по-женски, тряхнула въ энергичномъ пожатіи худенькіе пальчики Іи.

Эта энергичная молодая особа съ ея правдивыми глазами, честнымъ, суровымъ лицомъ и простой безыскусственной, лишенной всякой аффектаціи рѣчью, сразу понравилась Іи. Ей казалось что она давно знаетъ Зинаиду Юрьевну. Знаетъ и уважаетъ ее и за цѣльность натуры и за желаніе пробивать себѣ путь въ жизни далеко не легкимъ способомъ.

Жура и Надя, какъ маленькіе котята, ласкались къ матери; они любовно гладили ея руки, перебирая худые длинные пальцы молодой женщины, и нѣжно заглядывали ей въ лицо.

Зинаида Юрьевна въ свою очередь, то и дѣло, гладила кудрявыя головки и разрумянившіяся личики дѣтей.

— Журка, Наденышъ мой, рады меня видѣть? Знаю, знаю, что рады, малыши! Я и сама безъ васъ, нѣтъ мочи, какъ соскучилась. Да недосугъ былъ заглянуть сюда къ вамъ. Репетиціи у меня по общей тигіенѣ и по анатоміи были. Впрочемъ, все это пустой звукъ для васъ,

глупышки вы мои! А сегодня, въ сочельникъ, не могла не прійти и оставить васъ безъ обычныхъ подарковъ.— Ну, что, нравится тебѣ моя кукла, Наденышъ, а тебѣ, Евгеній, по душѣ пришелся моторъ? Его бензиномъ наливать надо... Какъ настоящій.

— Прелесть, мамочка, что за моторчикъ! Ія Аркадьевна, милочка, посмотрите, какую мнѣ мама принесла игрушку,—и Жура протянулъ Іи дѣйствительно прелестную игрушку, крошечную копію настоящаго автомобился.

— А мнѣ куклу, глядите, какую. Она на насъ съ Журой похожа, и глаза, и локоны, какъ у насъ!—подбѣгая къ Іи съ другой стороны съ прехорошенькой французской куклой, захлебываясь отъ удовольствія, лепетала Надя.

— Нарочно и выбирала такую,—улыбаясь, говорила молодая мать.

— Ну, а теперь зажигайте елку, потѣшьте вашу маму, устала она отъ своихъ лекцій и репетицій, хочется ей самой подчасъ въ ребенка беззаботнаго превратиться.— И говоря это, Зинаида Юрьевна улыбнулась милой, простодушной улыбкой, чрезвычайно скрасившей и молодившей ея суровое лицо.

Съ веселымъ смѣхомъ и суетою дѣти въ сопровожденіи Іи бросились къ елкѣ и стали зажигать прелестное деревцо.

Когда разгорѣлись разноцвѣтныя свѣчи на елкѣ и вся она зеленая, пышная и нарядная засіяла десятками огоньковъ, въ дверь дѣтской неожиданно постучали.

— Принимаютъ гостей? — послышался знакомый голосъ съ порога.

— А дѣдушка, дѣдушка! Тебя намъ только и не хва-

тало, смотри, даже мама пришла!—И дѣти весело устремились навстрѣчу старому князю.

— Здравствуй, отецъ,—подошла слѣдомъ за ними къ Юрію Львовичу его старшая дочь.

— Здравствуй, Зина, радъ тебя видѣть! Не очень-то ты балуешь своими посѣщеніями твоего старика,—съ ласковымъ упрекомъ обнялъ Градову князь.

— Что дѣлать, отецъ, ты же знаешь, лекціи берутъ все мое время, къ тому же и уроки, которые я даю...

— Урожденная княжна Вадберская не должна была бы давать уроки, когда ея старый отецъ можетъ помочь ей, подѣлиться съ нею тѣми крохами...—съ горечью началъ князь.

— Вотъ именно, крохами, отецъ,—перебила его Зина.—Если бы ты былъ обезпеченъ, я бы, не задумываясь, приняла твою помощь, но, дорогой, я знаю, что твоей пенсіи едва хватаетъ на содержаніе семьи и моихъ же дѣтей. Ты и такъ уже много дѣлаешь для меня, помогаешь мнѣ въ воспитаніи Евгенія и Надежды, а...

— Зина, Зиночка, послушай, дружокъ мой, своего старато отца. Оставь ты свой институтъ, свою медицину, не для тебя все это, не для твоего хрупкаго здоровья, Зина. Поселяйся съ нами, заживемъ вмѣстѣ. И дѣти будутъ рады несказанно, да и я... Утѣшь старика,—зашепталъ тихимъ голосомъ князь, стараясь говорить такъ, чтобы Ія съ дѣтьми не могла его услышать.

Зина нахмурилась. Рѣзче выступила глубокая черточка между бровями на лицѣ молодой женщины.

— Опять ты за прежнее, отецъ,—сказала она, пожимая досадливо плечами.—Я знаю, ты любишь меня и былъ бы счастливъ сознавать, что я нахожусь тутъ же у тебя подъ крылышкомъ, но, повторяю, тебѣ то же, что тово-

рила уже и раньше. Разъ я начала, какое бы то ни было дѣло, я должна довести его до конца. Я поступила въ медицинскій институтъ, чтобы по окончаніи его сдѣлаться женщиной-врачомъ. Не хочу скрывать, не одна только идея помощи ближнимъ руководитъ мною, нѣтъ, хотя я и люблю людей и всею душою стремлюсь принести имъ пользу, но и своихъ дѣтей, вотъ этихъ самыхъ глупышекъ Надю и Журку люблю я сильно и идея вывести ихъ личными средствами въ люди преслѣдуетъ меня день и ночь. Ихъ покойному отцу, такъ безвременно умершему, поклялась я выполнить это и должна сдержать мою клятву, чего бы она ни стоила мнѣ. А, во-вторыхъ, отецъ, если двѣ медвѣдицы не уживаются въ одной берлогѣ, судя по русской пословицѣ, то какъ же ты хочешь, чтобы ужились въ ней цѣлыя три, да еще такія разнородныя по характеру, какъ Констанція Ивановна, я и Нетти,—и скрашивая горечь словъ своей милой, добродушной улыбкой, Зинаида Юрьевна нѣжно обняла отца и поцѣловала его въ лобъ.

Этотъ вечеръ сочельника долго остался въ памяти Іи. Изъ нижняго этажа, изъ гостиной, сюда доносились звуки моднаго танца, бойко разыгрываемаго Нетти... Потомъ танецъ смѣнился шансонеткой, спѣтой кѣмъ-то изъ молодыхъ людей.

Наконецъ, до слуха собравшихся въ дѣтской, дошло хоровое пѣніе. Но здѣсь никто его даже и не слышалъ. Всѣ были заняты другъ другомъ въ этой небольшой уютной комнаткѣ, гдѣ царило самое неподдѣльное веселье.

Маленькое зеленое деревцо сіяло своими разноцвѣтными свѣчами, распространяя запахъ хвои, такой свѣжій и пріятный. Угощенье, состоящее изъ яблокъ, пряниковъ и леденцовъ, казалось куда вкуснѣе фруктовъ

и кексовъ, подаваемыхъ въ хрустальныхъ вазахъ гостямъ, тамъ внизу.

А самое пріятное было видѣть счастливыя личики дѣтей, такъ искренно отъ души веселившихся около елки...

ГЛАВА VII.

Наконецъ, онъ наступилъ такъ давно ожидаемый Нетти день бала!

Уже съ самаго утра поднялась въ домѣ невообразимая суматоха. Горничная Луша то и дѣло бѣгала по лѣстницѣ, свистя накрахмаленными юбками, стуча каблуками. Констанція Ивановна, перерывая весь гардеробъ въ шкапной, кричала такъ громко, переговариваясь съ Нетти, которая примѣряла чуть ли не въ сотый разъ свой костюмъ Весенней Зари внизу въ будуарѣ, что заниматься сегодня съ дѣтьми Іи не представлялось никакой возможности. Съ досадой она захлопнула тетрадки и велѣла своимъ маленькимъ воспитанникамъ собираться на прогулку.

Но прогулка должна была быть сегодня тоже отмѣнена.

— Ія, будьте такъ любезны,—скорѣе тономъ приказанія, нежели просьбы, обратилась Нетти къ невѣсткѣ,— принесите мнѣ шпилекъ-невидимокъ для прически и ленту для вѣера. Понимаете, блѣдно-розовую муаровую ленту... Только поторопитесь съ покупками, пожалуйста. Да, ради Бога, не берите вы съ собою дѣтей въ магазины. Они только стѣснятъ васъ.

Еще черезъ полчаса, вернувшейся Іи пришлось мчаться къ парикмахеру, который недостаточно крѣпко

завилъ фальшивые локоны Нетти. Потомъ за перчатками и англійскими булавками...

Когда, уставъ до изнеможенія, молодая дѣвушка вернулась, наконецъ, исполнивъ чуть ли не десятое порученіе невѣстки, она увидѣла Нетти, сидѣвшую передъ зеркаломъ и тщательно натиравшую себѣ лицо какимъ-то кремомъ.

— Знаете, такъ оно лучше будетъ, свѣжѣе къ вечеру,—смутившись при видѣ удивленнаго взгляда Іи, брошеннаго на нее, оправдывалась молодая женшина.

— Да, удивительно помогаетъ,—примѣривая у другого зеркала огромную накладку изъ фальшивыхъ волосъ, произнесла Катя.—Дайте мнѣ тоже потомъ попробовать, Нетти.

— Что?—Глаза Іи расширились отъ удивленія.—Катя! —невольно вырвалось у нея.

— Что, Катя?—пожала плечами дѣвочка.

— Не думаешь ли ты, что я, какъ старшая сестра, разрѣшу тебѣ дѣлать такія глупости?

— Какія глупости? Я не вижу глупостей ни въ чемъ.

Губки Кати мгновенно надулись. Лицо приняло непріятное капризное выраженіе.

— Перестань глупить, Катя,—уже строгимъ тономъ заговорила Ія,—я не разрѣшу тебѣ, еще дѣвочкѣ годами, дѣлать этихъ глупостей... Изволь снять сейчасъ же этотъ нелѣпый накладной шиньонъ и не смѣй прибѣгать ни къ какимъ косметикамъ. Иначе я принуждена буду отвезти тебя сегодня же въ пансіонъ.

— Это будетъ крайне безтактно съ вашей стороны, Ія,—неожиданно рѣзко вмѣшалась въ разговоръ сестеръ Нетти, въ то время какъ Катя громко ахнула и залилась слезами.

Сѣрые глаза Іи стали совсѣмъ стальными. Сурово взглянувъ на невѣстку, она, отчеканивая каждое слово, произнесла:

— Я попрошу васъ не баловать мою сестру, Нетти. Она еще совсѣмъ дѣвочка и кружить ей голову не слѣдуетъ вовсе. Перестань капризничать, Катя, если ты не хочешь, чтобы я осуществила на дѣлѣ свои слова.

— Ты... ты... де... с... по... тка! Ты... ты меня то...-то... ва... ли... шить послѣдняго счастья!—всхлипывала Катя, театрально откидывая голову на спинку кресла.

— Боже мой! Боже мой! Да что же это съ нею... Я рѣшительно не узнаю ее!—почти съ ужасомъ вырвалось у Іи и она поспѣшно направилась къ двери.

Но Неттинъ голосъ остановилъ ее на порогѣ.

— Да, кстати, Ія, въ какомъ же костюмѣ будете нынче вы?

— То-есть въ какомъ костюмѣ?—удивленно переспросила молодая дѣвушка.

— Да, вѣдь, нелѣпо остаться такой монашкой, въ вашемъ черномъ платьѣ, когда всѣ будутъ въ костюмахъ и въ маскахъ.

— Но у меня нѣтъ денегъ, чтобы пріобрѣсти подобающій костюмъ, Нетти,—холодно отвѣчала Ія.

— Ахъ, Боже мой, но кто же говоритъ про деньги! У maman и у меня—масса разнаго стараго тряпья, всякаго ненужнаго хлама, изъ котораго вполнѣ можно соорудить прехорошенькій костюмъ.

— Благодарю васъ, но мнѣ онъ не нуженъ,—сдержанно поблагодарила Ія.

— Какая же вы, однако, эгоистка, Ія, — внезапно вспыхнувъ, съ досадой бросила Нетти,—вы непремѣнно хотите испортить удовольствіе намъ всѣмъ. Всѣ будутъ

нарядны, прекрасно одѣты, интересны въ своихъ костюмахъ, а вы одна составите среди насъ черное, мрачное пятно...

— Но я могу не выходить въ гостиную, чтобы не испортить вамъ праздника своимъ мрачнымъ видомъ...

— Ахъ, это еще хуже будетъ. И Кутузовы, и Раевскіе, и Блацы, и Завьяловы, всѣ скажутъ, что мы не пригласили васъ на вечеръ и держимъ въ черномъ тѣлѣ. А вѣдь вы не простая гувернантка, а сестра André.

— Такъ вотъ оно что!—тонко улыбнувшись, произнесла Ія,—хорошо, хорошо, я сдѣлаю такъ, что и овцы будутъ цѣлы и волки сыты,—съ тою же улыбкой заключила она и, мелькомъ взглянувъ на все еще плачущую Катю, вышла изъ будуара.

Лишь только фигура Іи скрылась за дверью, Нетти подошла къ Катѣ, приподняла ея залитое слезами лицо и произнесла сладенькимъ голоскомъ:

— Перестаньте же плакать, дѣтка. Утрите ваши очаровательные глазки. Не стоитъ ихъ портить даромъ. Ваша сестра себялюбивая эгоистка, я увидѣла это съ перваго раза, и потомъ она, дѣйствительно, деспотична, вы молодецъ, что отчитали ее, а кромѣ того, и завистлива она на рѣдкость.

— Какъ? Что? Завистлива? Ія?

— Ну, да, завистлива, чему вы такъ удивились? Она запретила вамъ надѣвать локоны потому только, что вамъ они чрезвычайно идутъ. Она боится, что въ нихъ вы будете лучше ея. И она права. Вы гораздо красивѣе вашей сестры, Катя. Она сама сознаетъ это и страшно злится, повидимому. Посмотрите на себя въ зеркало, дѣтка. Ну, развѣ вы не красавица? Съ этими-то чудными огневыми глазками, съ прелестнымъ носикомъ и очарова-

тельнымъ ртомъ! Взгляните только и вы сразу проникнете въ тѣ вполнѣ понятныя чувства, которыя волнуютъ вашу дражайшую сестричку.

Катя, повинуясь указанію невѣстки, взглянула на себя въ зеркало. И, дѣйствительно, показалась себѣ красавицей въ этотъ мигъ. Никогда не нравились дѣвочкѣ, какъ сейчасъ, ея собственные глаза, и всѣ неправильныя черты ея некрасиваго, но привлекательнаго личика.

Съ однимъ только не могла согласиться Катя, что Ія, ея серьезная, сосредоточенная, всегда думавшая о другихъ старшая сестра, могла быть эгоисткой, да еще вдобавокъ завистливой! Но противорѣчить Нетти Катя не рѣшалась изъ боязни разсердить свою новую подругу, и благоразумно смолчала, несмотря на то, что гдѣ-то глубоко въ тайникѣ ея души копошилось сознаніе ея невольной вины передъ Іей. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Въ десять часовъ вечера скромную квартиру Вадберскихъ и Баслановыхъ нельзя было узнать. То и дѣло подъѣзжали къ подъѣзду наемнаго особняка извозчичьи и собственныя кареты, сани и автомобили. Горничная Луша съ двумя нанятыми на этотъ вечеръ оффиціантами каждую минуту неслась въ прихожую на раздававшіеся тамъ постоянно звонки.

Вскорѣ небольшая передняя наполнилась шубами, дамскими манто, форменными пальто и шинелями военныхъ. Въ гостиной, превращенной теперь въ танцовальный залъ, сдержанно шумѣла пестрая толпа костюмированныхъ. Самаго разнороднаго вида маски попадались тутъ. Были здѣсь и миѳологическіе боги и богини, были пастушки, колом бины, четыре времени года, пьерет-

ты, цвѣточницы, ночи, геніи, мефистофели, демоны, римскіе воины, рыцари, монахи, цвѣты, пьеро, паяцы и прочее и прочее и прочее. Маски скрывали лица пріѣзжающихъ. Только болѣе пожилые гости, почтенные отцы и матери семействъ явились безъ нихъ.

Сама княгиня Констанція Ивановна безъ маски, въ великолѣпномъ національномъ костюмѣ Старой Венеціи, опираясь на руку князя Юрія Львовича, оставившаго, благодаря усиленнымъ просьбамъ домашнихъ, на этотъ вечеръ и свой уединенный кабинетъ и свои мемуары, радушно встрѣчали гостей на порогѣ гостиной.

Никто бы изъ пріѣхавшихъ сюда повеселиться не сказалъ бы, глядя на нихъ теперь, что эти хозяева дома, тѣ самые князья Вадберскіе, когда-то богатые и теперь доживающіе послѣднія крохи ихъ оставшагося состоянія. Безпечность, широкое хлѣбосольство и полнѣйшее отсутствіе заботъ о завтрашнемъ днѣ—сказалось какъ въ нихъ самихъ, такъ и въ окружающей ихъ обстановкѣ.

Взятая на прокатъ мебель, посуда, прислуга, тонкія дорогія закуски и ужинъ, фрукты, конфекты и крюшонъ, искусно замороженный въ небольшомъ ледяномъ гротѣ, устроенномъ на отдѣльномъ столѣ въ столовой,—все это давало полную иллюзію богатства и роскоши.

И все это было сдѣлано для одной Нетти ея баловникомъ-мужемъ.

Сама Нетти въ ея, дѣйствительно, роскошномъ костюмѣ Весенней Зари, стоившемъ многихъ безсонныхъ ночей Андрею Аркадьевичу, была, какъ говорится, на седьмомъ небѣ отъ счастья.

Хотя плотная бархатная маска и скрывала ея лицо, но по всѣмъ ея движеніямъ, а главное по роскошному костюму, искусно разрисованному акварелью, о которомъ

А. Вестфалень 1914.

сама Нетти успѣла разболтать всѣмъ своимъ друзьямъ и и знакомымъ, всѣ сразу узнали молодую хозяйку дома.

Подлѣ нея вертѣлись, звеня бубенчиками пестрый арлекинъ, и бѣлый Пьеро въ колпакѣ съ кисточкой и широчайшемъ костюмѣ. Тутъ же порхалъ изящный Мотылекъ, миніатюрная фигурка Кати, одѣтой при помощи Нетти въ удачно сооруженный изъ разнаго мишурнаго тряпья прехорошенькій костюмъ. Катя не отходила ни на шагъ отъ своего кумира, а отъ Кати, въ свою очередь, не отходилъ забавный китаецъ въ пестромъ костюмѣ, широкой курткѣ и штанахъ, съ привязной косой.

Когда большая часть гостей уже съѣхалась и приглашенный таперъ, занявъ свое мѣсто за роялью, ударилъ по клавишамъ, стройный арлекинъ подбѣжалъ къ Нетти и расшаркался передъ нею.

— Могу я просить васъ о милости открыть со мною балъ, прекрасная княжна?

Нетти вспыхнула подъ своей маской.

— Опять, княжна? Не злите меня, Пестольскій. Что скажетъ André, когда услышитъ, какъ вы называете меня. И потомъ, какъ вы меня узнали?

— О, что касается до этого, то если бы здѣсь была не одна, а цѣлая тысяча аналогичныхъ съ вами по костюму весеннихъ зорь, то я бы узналъ васъ изъ этой тысячи, божественная княжна.

— Какой вы забавный! Какія вы всегда болтаете глупости! Слѣдовало бы васъ хорошенько наказать за это и оставить безъ танцевъ, но я сегодня такъ счастлива, что прощаю васъ.—И, говоря это, Нетти положила на плечо молодого офицера свою изящную маленькую ручку, стянутую узкой бѣлой перчаткой и закружилась съ нимъ по залѣ подъ нѣжные, мелодичные звуки вальса.

Въ это время передъ Катей очутились сразу два кавалера: одинъ широкоплечій статный въ нарядѣ русскаго боярина, высокій, кудрявый, настоящій русскій молодецъ, другой ломающійся и подпрыгивающій какъ обезьяна Пьеро.

— На туръ вальса, прелестный мотылекъ! — процѣдилъ сквозь зубы юнкеръ Дима Николаевъ, расшаркиваясь передъ дѣвочкою въ то время, какъ статный боярин безъ словъ обвилъ рукою ея талію.

— Съ тобой, съ тобой, Андрюша!—весело вскрикнула дѣвочка, мгновенно узнавъ по костюму брата.

— Позвольте, а я то какъ же?—засуетился Пьеро.

— А съ вами потомъ,—рѣшила она, уносясь подъ дивную мелодію на середину залы въ крѣпкихъ объятіяхъ брата.

Потерпѣвъ неудачу, Пьеро кинулся къ первой попавшейся барышнѣ, одѣтой французской маркизой въ мушкахъ и напудренномъ парикѣ, и пригласилъ ее.

Вмигъ и третья пара закружилась по залѣ. За нею четвертая, пятая, шестая...

Старики прошли въ сосѣднюю съ гостиной комнату, гдѣ ихъ гостепріимно поджидали раскинутые для картъ ломберные столы съ развернутыми вѣеромъ карточными колодами.

Дамы и не танцующіе тости помѣстились за чайнымъ столомъ въ столовой подъ наблюденіемъ старшей хозяйки дома.

На этотъ разъ чай разливали и разносили наемные официанты и Луша. Ія была наверху. Она не спѣша укладывала спать близнецовъ, ласково переговариваясь съ ними.

Несмотря на всѣ настоянія хозяевъ, молодая дѣвушка

категорически отказалась пустить дѣтей въ залу смотрѣть танцующихъ хотя бы на самый короткій срокъ.

— Не дѣло, малыши, совсѣмъ не дѣло,—говорила она порывавшимся внизъ дѣтямъ.—Завтра рано вставать надо, заниматься. Съ какими же головами вы будете присутствовать на урокахъ? Да и потомъ, что интереснаго въ томъ—смотрѣть, какъ веселятся другіе. Я понимаю, если самимъ танцовать, это еще другое дѣло,—уговаривала и убѣждала дѣтей Ія.—А мы лучше завтра днемъ въ циркъ отправимся. Я афишу читала. Какихъ тамъ медвѣдей показываютъ, просто прелесть! И на велосипедахъ они ѣздятъ, и на колесныхъ конькахъ катаются, совсѣмъ какъ люди. Хотите поѣхать взглянуть?

— Хотимъ, хотимъ!—въ одинъ голосъ отозвались близнецы.

— Ну, вотъ и прекрасно, поѣдемъ, значитъ, а теперь засыпайте поскорѣе.

— А вы, Ія Аркадьевна, пойдете внизъ?—приподнимая свою кудрявую головку съ подушки, освѣдомилась Надя.

— Ты слышала, дѣтка, какъ тетя Нетти просила меня объ этомъ. Но не скрою. Мнѣ гораздо было бы пріятнѣе лечь пораньше спать.

— Развѣ вы не любите танцевъ?

— Нѣтъ, люблю. Въ институтѣ я много и охотно танцовала. Но то общество, которое собралось нынче внизу, мнѣ совсѣмъ не знакомо и я не имѣю никакой охоты сегодня танцовать.

Ія говорила правду. Ей больше нежели не хотѣлось спускаться внизъ и заниматься гостями. Но дѣлать было нечего — приходилось итти, изъ опасенія обидѣть Нетти.

Лишь только заснули дѣти и ихъ ровное сонное дыханіе долетѣло до ушей молодой дѣвушки, она не торопясь отложила въ сторону книгу и подошла къ крошечному зеркальцу, повѣшенному надъ столомъ. Глядя въ него, она расчесала свои короткіе густые волосы, успѣвшіе уже значительно подрасти за эти два послѣдніе мѣсяца послѣ болѣзни, и перевязала ихъ лентой, (несложная прическа, которую она теперь носила каждый день). Затѣмъ взяла со стула приготовленное ею черное скромное платье и черный же шерстяной платокъ. Платье она проворно накинула на себя. Платкомъ же повязала голову совсѣмъ такъ, какъ это дѣлаютъ монахини. Затѣмъ вынула изъ ящика комода купленную ею наканунѣ черную бархатную маску и надѣла ее себѣ на лицо.

Взглянувъ на себя еще разъ въ зеркало, Ія осталась вполнѣ довольна своимъ костюмомъ. Отразившаяся въ стеклѣ строгая черная фигура давала полную иллюзію обительскихъ послушницъ. Тѣмъ болѣе была счастлива Ія, что ей не пришлось заимствовать нарядъ у Нетти или у княгини, и что она сама могла, затративъ самую крошечную сумму, сдѣлать этотъ удобный для себя костюмъ.

Взглянувъ еще разъ на крѣпко спящихъ дѣтей, она поправила лампаду передъ божницей и неслышно выскользнула изъ комнаты.

Еще въ верхнемъ коридорѣ стали доноситься до ея ушей звуки музыки, шарканье ногъ и веселые голоса танцующихъ. Не спѣша, Ія спустилась въ залу.

ГЛАВА VIII.

— Ба! Ба! Кого я вижу! Прелестная монахиня, разрѣши просить тебя окунуться въ міръ житейской суеты, умчать тебя въ вихрѣ бѣшенаго вальса,—услышала Ія странно знакомый голосъ.

— Такъ какъ я монахиня только на сегодняшній вечеръ и мнѣ не придется возвращаться въ мою угрюмую обитель, то охотно принимаю ваше приглашеніе,—съ низкимъ поклономъ отвѣчала Ія, сразу входя въ свою новую роль.

Стройный арлекинъ, звеня бубенчиками, обвилъ рукою ея талію и они понеслись. Несмотря на полное нежеланіе танцовать въ незнакомомъ обществѣ, Ія при первыхъ же звукахъ немного грустнаго вальса, который она всегда предпочитала всѣмъ остальнымъ танцамъ, почувствовала смутное удовольствіе. Чудесные, нѣжущіе звуки музыки ласкали ее. Сами ноги неслись, казалось, подъ эту красивую нѣжную мелодію. Къ тому же, ея кавалеръ, пестрый арлекинъ, танцовалъ прекрасно. И словно сама Ія съ каждой секундой дѣлалась все легче, все воздушнѣе, соразмѣряя съ нимъ свои движенія.

— Parbleu! *) Но вы танцуете, какъ богиня! Я ничего лучшаго еще не встрѣчалъ на своемъ вѣку... Такая легкость и грація, parole d'honneur! (честное слово),—восторженно нашептывалъ ей ея кавалеръ, продолжая свои удивительные пируэты.

Отъ этихъ словъ еще веселѣе стало на душѣ молодой дѣвушки. Она давно не танцовала, не веселилась. А молодости не присущи угрюмость и суровость. Ія отлично

*) Непереводимое восклицаніе.

сознавала это и не находила ничего предосудительнаго въ томъ, что она такъ весело отъ всей души кружится сейчасъ по залѣ съ пестрымъ арлекиномъ, умѣющимъ такъ прекрасно вальсировать. Но вотъ онъ расшаркался передъ нею и посадилъ ее на мѣсто.

— Ты прелестно танцуешь, очаровательная отшельница,—переходя на пресловутое маскарадное «ты», произнесъ кавалеръ Іи.

Потомъ онъ исчезъ на минуту и возвратился, ведя съ одной стороны римскаго воина, съ другой—пастуха.

— Выбирай любого!—прозвучало въ тотъ же мигъ надъ головой Іи.

Послѣдняя протянула руку скромному пастушку, и опять съ этимъ новымъ кавалеромъ закружилась по залѣ.

А тихіе, вкрадчивые звуки вальса такъ и баюкали, такъ и нѣжили слухъ. Они то пѣли свирѣлью, то звенѣли раскатисто сотнями серебряныхъ струй, то рокотомъ нѣжнаго морского прибоя ласкали ухо. Ія носилась по залѣ, едва касаясь маленькими ножками земли.

— Какъ пріятно танцовать съ тобою, маска, не чувствуешь даже тебя, такъ ты воздушна и легка!—сказалъ ей, усаживая ее на мѣсто, ея новый кавалеръ.

А тутъ уже ждали ее другіе бальные танцоры.

— Смиренная монахиня, удостой меня убогаго, осчастливь!—послышался знакомый голосъ за спиною Іи. Она живо обернулась. Русскій мужичокъ въ широкихъ шароварахъ и въ поддевкѣ стоялъ передъ нею, неуклюжій, забавный, смѣшно переминаясь съ ноги на ногу, съ гармоникой подъ мышкой, съ плетеными лаптями на ногахъ.

— Ха-ха-ха!—разсмѣялась Ія,—князь Леонидъ, сразу узнала по голосу!

— Какой князь Леонидъ, просто убогій мужиченка,

бобыль Ефремка изъ села Михайловки, что близъ Яблонекъ, по сосѣдству, значитъ. Знакомо, чай, село-то тебѣ, мать святая? А?—умышленно подражая крестьянскому говору, басилъ старшій изъ братьевъ Вадберскихъ.

— Господи! Да неужели же вы и почтаря Ефрема знаете?—внезапно обрадовалась при знакомомъ имени Ія.

— А то какъ же? Онъ вѣдь не только къ вамъ въ Яблоньки, а и къ намъ въ Лѣсное почту возилъ.

Словно роднымъ деревенскимъ воздухомъ, знакомой родной обстановкой повѣяло на Ію при этихъ словахъ юноши. Встали, какъ по мановенію волшебной палочки, передъ нею картины недавняго родного прошлаго... Воскресли передъ мысленнымъ взоромъ дѣвушки дорогіе далекіе образы... И сразу потянуло туда, далеко, въ родное гнѣздо... Потомъ сразу мысль перескочила на сестру, постоянно тревожившую Ію.

— Катя, а Катя, гдѣ же она, однако?—невольно пронеслось въ головѣ Іи, уже безо всякаго удовольствія кружившейся теперь по залѣ съ рыжимъ князькомъ, поминутно сталкивающимся съ другими танцующими парами и наступающимъ на ноги своей дамы.

Сегодня, передъ вечеромъ, ей удалось только мелькомъ увидѣть Катю, когда та прибѣжала показаться ей за пять минутъ до начала бала въ ихъ «дѣтскую». Теперь же, попавъ сразу въ шумную атмосферу бала, и отдавшись такъ неожиданно нахлынувшей на нее волнѣ непривычной маскарадной суеты и веселья, молодая дѣвушка на мигъ позабыла о младшей сестрѣ.

— Непростительная оплошность! Гдѣ же она, однако?—тревожно ища глазами по залѣ нарядная пестраго мотылька и все сильнѣй волнуясь, думала Ія.

— Довольно, довольно, благодарю васъ, князь!—обра-

тилась она къ своему кавалеру, потерявъ окончательно всякое желаніе продолжать танцы.

— Ну вотъ, ужъ и довольно, экая вы право! А я только что разошелся, признаться сказать. Кажется не очень ваши ноги пострадали? Нетти, та со мной ни за что не пойдетъ и всѣ ея кисейныя барышни-подруги тоже,—своимъ трубоватымъ тономъ бросалъ Леонидъ,—иначе, какъ слономъ онѣ меня и не называютъ.

— Мерси, мерси, я не могу больше,—и энергично принявъ руку у своего кавалера, Ія выскользнула изъ круга танцующихъ. Теперь она порхнула по залѣ, ловко лавируя среди вальсирующихъ паръ.

Маленькая маркиза съ задорными мушками на щекѣ и подбородкѣ подъ руку съ средневѣковымъ рыцаремъ внезапно заступила ей дорогу.

— Наконецъ-то ты вышла изъ твоего монастыря, прелестная отшельница,—слегка ударяя Ію вѣеромъ по плечу, насмѣшливо произнесла она, наклоняя лукавымъ движеніемъ на бокъ свою пудренную головку,—и не надоѣло тебѣ быть, однако, ключницей и костеляншей въ этой обители?

Ія вздрогнула, сразу понявъ насмѣшку.

— Я не нахожу въ этомъ ничего дурного,—помимо воли горячо вырвалось у нея.

— Но съ твоей внѣшностью, съ твоимъ образованіемъ и воспитаніемъ, милая скромница, ты могла бы найти себѣ лучшее примѣненіе, нежели быть нянькой и домоправительницей тамъ, гдѣ все равно не оцѣнятъ твоихъ услугъ,—снова засмѣялась подъ кружевомъ маски незнакомка.

— Клянусь, не знаю болѣе скучныхъ обязанностей!—вторилъ ей рыцарь, ея кавалеръ.

— Какіе они всѣ злые, однако,—съ затаенной горечью обиды, подумала Ія,—вѣдь это они смѣются надо мною. Они не знаютъ, что ради мамочки и Кати я готова нести еще и не такую трудную службу.—И она поспѣшила уйти подальше отъ насмѣшливой парочки.

Между тѣмъ, вальсъ смѣнился кадрилью.

— Mesdames et messieurs, prenez places!—надрывался дирижеръ.

— Смотрите, видите эту черную фигуру... Мрачная личность, пробирающаяся изъ залы, это сестра молодого Басланова,—въ тотъ же мигъ услышала Ія чей-то заглушенный шопотъ за собою.

— Что за странность нарядиться, точно на похороны. Вѣдь Баслановъ зарабатываетъ не мало, не могъ поприличнѣе одѣть сестру, неужели же...—отвѣчалъ на это другой.

Дальше молодая дѣвушка не пожелала слушать. Ей, казалось, что полъ горѣлъ у нея подъ ногами, пока она пробиралась къ порогу залы.

Въ сосѣдней столовой, у ледянаго грота съ крюшономъ, стояло нѣсколько масокъ: пронырливый китаецъ, пестрый арлекинъ и бойкій Пьеро. Тутъ же была и Нетти, оживленная, смѣющаяся, между Цвѣткомъ Алаго Мака, Доброй Феей и Мотылькомъ... Они всѣ оживленно болтали, прихлебывая прохладительное питье изъ хрустальныхъ бокаловъ. Очевидно, молодые люди не въ первый разъ подходили къ крюшону, потому что движенія и рѣчи ихъ были развязнѣе и порывистѣе, чѣмъ всегда.

— А, прекрасная монахиня, — при видѣ Іи весело вскричалъ арлекинъ,— вотъ неожиданное открытіе, mesdames, вообразите, сія смиренная отшельница, всѣхъ васъ, какъ говорится, за поясъ заткнула, по части граціи и

искусству танцевъ. Ія Аркадьевна легка и воздушна, какъ Сильфида и, право, многія изъ вашихъ дамъ и барышенъ могли бы позавидовать ей.

— Ха, ха, ха,—не совсѣмъ естественно разсмѣялась Нетти, не выносившая, чтобы въ ея присутствіи хвалили другихъ.

— Вы пристрастны, monsieur! — пропищалъ Красный Макъ, всячески старавшаяся не быть узнанной ея собесѣдниками.

— Воображаю танцующей эту провинціалку,—шепнула на ухо Пьеро Добрая Фея.

— Га-та-га!—заржалъ Пьеро дикимъ смѣхомъ Димы Николаева и ломаясь, и извиваясь съ искусствомъ настоящаго клоуна, онъ ни съ того ни съ сего обратился къ барышнямъ съ довольно своеобразнымъ заявленіемъ:— А вотъ если бъ вы видѣли только лошадь князя Контакузенъ, mesdames. Она взяла первый призъ на послѣднихъ скачкахъ. Mille diables, не лошадь, а огонь!

— На такую не грѣхъ поставить,—вращая черными щелочками глазъ въ отверстіи маски, вставилъ китаецъ, прихлебывая крюшонъ изъ хрустальной стопки.

— А развѣ ты играешь на скачкахъ, милый китайскій мандаринъ?—кокетливо смѣясь, обратилась къ китайцу Добрая Фея.

— А ты умѣешь держать на привязи твой болтливый язычокъ, волшебница?

— Мы не болтливы, сударь! За это подозрѣніе не желаю говорить съ вами,—обидѣлась маска.

— Увы мнѣ! Увы мнѣ!—воздѣвая руки къ небу, запѣлъ китаецъ.

— Мотылекъ, разрѣши наполнить этой живительной влатой твой бокалъ,—обратился арлекинъ къ Катѣ.

Дѣвочка со смѣхомъ протянула ему опустошенную ею только что стопку. Ея глаза неестественно блестѣли. Изъ-подъ кружева полумаски то и дѣло сверкали въ улыбкѣ зубы. Катя никогда за всю свою коротенькую жизнь не брала въ ротъ вина и нынче впервые по настоянію Нетти выпила холоднаго крюшона. Послѣдній сразу ударилъ ей въ голову, заставляя безпричинно смѣяться на каждое слово. Лицо ея пылало подъ маской, голова слегка кружилась. Но, тѣмъ не менѣе, она храбро поднесла къ губамъ стопку, наполненную шампанскимъ, ни въ чемъ не желая отставать отъ старшихъ.

Какъ разъ въ эту минуту рука подоспѣвшей Іи удержала ее:

— Перестань, Катя, это вредно и некрасиво. Ты еще ребенокъ, а дѣтямъ не полагается пить вина,—произнесла она, взявъ у дѣвочки бокалъ съ искрящейся влагой.

— Но какъ строго, однако...—засмѣялся Пьеро, вертясь на каблукѣ.

— Въ монастыряхъ проповѣдуется постъ, молитва и полное воздержаніе отъ спиртныхъ и виноградныхъ напитковъ,—тоненькимъ фальцетомъ протянулъ арлекинъ.

— Вотъ еще!—надула тубки Катя,—я не понимаю, почему ты, Ія... Она не договорила, потому что Нетти отвела въ эту минуту старшую золовку въ сторону и, сверкая глазами, зашептала ей, мало заботясь о томъ, слышатъ ее или нѣтъ.

— Ія, что вы сдѣлали? Вы же осрамили насъ съ André.

— Я? Осрамила? Что вы еще выдумали, Нетти?—съ неподдѣльнымъ изумленіемъ вырвалось у той.

— Не притворяйтесь, пожалуйста, моя милая, вы отлично знаете, что я хочу сказать! Взгляните на себя,

какъ могли вы показаться на вечерѣ въ этомъ жалкомъ тряпьѣ! Вѣдь вы же родная сестра André! Что будутъ говорить о насъ съ мужемъ! Скажутъ, балы устраиваютъ, а бѣдную, молодую дѣвушку одѣли въ лохмотья, какъ какую-то нищую или Сандрильону. Если-бъ я знала это раньше, то ни за что не пустила бы васъ сюда въ этомъ затрапезномъ видѣ.

Ія слушала, не вѣря ушамъ. Неужели уже настолько была мѣщанкой эта блистательная Нетти, чтобы дѣлать ей такія нелѣпыя пошлыя замѣчанія, да и притомъ, вслухъ, при всѣхъ!..

Оскорбленная, негодующая, взглянула она на невѣстку.

— Это легко поправить,—металлическимъ тономъ произнесла она,—большая часть гостей меня не узнала и я постараюсь незамѣтно скрыться отъ тѣхъ, кто меня видѣлъ, и уже не возвращаться сюда, чтобы не компрометировать васъ моимъ костюмомъ. Такимъ образомъ, инцидентъ будетъ исчерпанъ, я надѣюсь, вполнѣ,—спокойно, но съ легкимъ оттѣнкомъ насмѣшки проговорила она, направляясь къ двери.

— Это будетъ самое лучшее, что вы могли придумать,—холодно бросила Нетти вдогонку молодой дѣвушкѣ. Но та не слышала ее. Мысли Ія были теперь заняты уже другимъ.

— Катя,—позвала она съ порога сестру,—я надѣюсь, что ты не будешь больше дѣлать глупостей, пить вина, и тотчасъ же послѣ ужина пойдешь спать. Тебѣ, какъ дѣвочкѣ, еще рано оставаться до самаго конца бала.

— Ого, какая строгая, однако, старшая сестрица!—поясничая пропищалъ Пьеро.

— Она страшная деспотка и завидуетъ Катѣ,—успѣла шепнуть Нетти своимъ друзьямъ.

— Смотрите, пожалуйста, а на видъ смиренница какая, воды не замутитъ!..—засмѣялся Красный Макъ, въ лицѣ Нины Завьяловой.

— Въ тихомъ омутѣ, вы знаете...—подхватила ея сестра Ольга.

— Офелія, ступай въ монастырь! *)—подскочилъ къ Іи арлекинъ, успѣвшій уже приложиться къ десятому бокалу и вслѣдствіе этого не совсѣмъ твердо державшійся на ногахъ.

— Офелія, о нимфа!—помяни меня въ твоихъ святыхъ молитвахъ **),—внезапно опускаясь на одно колѣно съ патетическимъ жестомъ продекламировалъ Дима Николаевъ—неутомонный Пьеро.

Но Ія уже не слышала того, что ей говорили. Съ смутнымъ чувствомъ глухого раздраженія, впервые появившимся въ ея душѣ, она поднялась къ себѣ въ дѣтскую. Здѣсь передъ божницей теплилась лампада. Слышалось ровное дыханіе спящихъ дѣтей, и на нее сразу пахнуло атмосферой патріархальнаго уюта, покоемъ и сладкой грустью.

Смутно заглушенные нѣсколькими дверьми, долетали сюда звуки мазурки, веселые выкрики дирижера... Топотъ сотни ногъ... звонкіе молодые всплески смѣха... Но молодая дѣвушка ничего не слышала. Она достала изъ бювара листъ почтовой бумаги и сѣла за письмо къ матери.

---

*) Фраза изъ классической трагедіи Шекспира „Гамлетъ“.

**) Тоже.

ГЛАВА IX.

Весь этотъ вечеръ Катя была какъ во снѣ. Отъ выпитаго съ непривычки крюшона голова дѣвочки кружилась все сильнѣе и сильнѣе. Смѣхъ дѣлался все громче и неестественнѣе. А тутъ еще подоспѣли и новыя впечатлѣнія: ея первый балъ, ея положеніе взрослой барышни, танцовавшей впервые съ настоящими взрослыми кавалерами,—все это усугубляло ея волненіе. Къ тому же Валерьянъ Вадберскій, прячась подъ своей хламидой китайца, наперерывъ съ Димой Николаевымъ говорили ей поминутно комплименты, громко восторгались ея внѣшностью, граціей и изяществомъ, танцуя съ нею по нѣсколько разъ подъ рядъ и словно по уговору отличая ее передъ всѣми остальными барышнями.

Бѣдная Катя! она не слышала того, что говорилось въ то же время за ея спиною этими юными шелопаями.

— Она божественно глупа,— величественно глупа ваша Катя!—шепталъ со смѣхомъ Дима на ушко Нетти.

— Послушай, сестра, мой Громобой, ей Богу же, умнѣе нашей молоденькой родственницы, а вѣдь, онъ только лошадь. А эта дѣвица, вообрази, только и знаетъ, что хохочетъ на всю ту ерунду, которую я напѣваю ей въ уши... Нѣтъ, она великолѣпная дурочка, эта милая Katrine!—вторилъ ему Валерьянъ Вадберскій, обращаясь къ Нетти.

— Но ты ужъ не очень, Валя...—съ притворнымъ безпокойствомъ останавливала брата молодая женщина.

— Да, я и такъ не очень... но тсс! Вотъ она легка на поминѣ! Идетъ.

— M-elle Katrine, m-elle Katrine,—хотите я очищу вамъ

грушу? — бросился онъ съ видомъ непритворной любезности навстрѣчу Катѣ.

— Грушу? Ха-ха-ха!—смѣясь тѣмъ же неприличнымъ смѣхомъ, лепетала та,—ахъ, нѣтъ, не надо груши, я не хочу груши. Я ничего не хочу... У меня болитъ голова. Вотъ если бы можно было выйти сейчасъ на крыльцо подышать свѣжимъ воздухомъ!.. Но этого нельзя!—заплетающимся языкомъ произнесла бѣдная дѣвочка.

— Voilà une idée! (Вотъ идея!) Почему нельзя? Какой вздоръ!.. И не только на крыльцо, но и прокатиться можно... Хотите, я приведу моторъ и мы всѣ прокатимся,—предложилъ князекъ Валерьянъ, обращаясь къ всему кружку.

— Идея! Идея! Отлично, отлично, мы всѣ поѣдемъ!—весело захлопали въ ладоши обѣ барышни Завьяловы и Нетти.

— А какъ же Ія? Она будетъ недовольна!—непроизвольно сорвалось съ губокъ Кати.

— Бэби, маленькая бэбичка какая, подумаешь,—засмѣялась Нина Завьялова,—безъ спросу у сестры шагу ступить не смѣетъ! Однакоже, и держитъ васъ въ рукахъ ваша Ія! Стыдитесь, m-elle Katrine, такъ слѣпо повиноваться сестрѣ, которая немногимъ старше васъ.

— Она замѣтно командуетъ вами!—подтвердила вторая Завьялова, Ольга.

— Возмутительно, — вмѣшалась въ разговоръ Нетти...—Ія до сихъ поръ, вообразите, считаетъ Катю ребенкомъ, изъ личныхъ соображеній, конечно. Вѣдь, согласитесь, однако, mesdames, непріятно имѣть около себя сестру, которая и моложе, и свѣжѣе, и красивѣе ея. Ха, ха! А наша Іечка далеко не такъ глупа, чтобы не сознавать этого.

— Однако, mille diables, mesdames, ѣдемъ мы кататься или нѣтъ?—повышая голосъ, нетерпѣливо спросилъ Валерьянъ.

— Ѣдемъ, ѣдемъ! Только мы одни поѣдемъ, уговоръ лучше денегъ, больше не возьмемъ никого... А то пойдутъ охи, вздохи, ахи и причитанья,—возбужденнымъ тономъ говорила Нетти, — и даже André не возьмемъ. Мнѣ надоѣли его вѣчные страхи: Нетти, ты простудишься, Неттичка, заболѣешь, не ходи туда, не ѣзди сюда! Боже, отъ тоски съ ума сойти можно! Нѣтъ, ужъ я лучше предпочитаю остаться дома, нежели выносить все это.

— Разумѣется, разумѣется. Поѣздка безъ старшихъ куда лучше!—вторилъ ей Пестольскій, веселый арлекинъ.

— Чудесно, безподобно, божественно!—пищали барышни Завьяловы.

— Въ такомъ случаѣ addio, исчезаю за моторомъ,—и на ходу срывая маску и привязную косу китайца, князь Валерьянъ бросился черезъ кухню и черный ходъ, исполнять порученія расходившейся молодежи.

А получасомъ позднѣе мимо удивленной прислуги тѣмъ же путемъ, словно маленькая группа заговорщиковъ уже одѣтая въ добытыя Лушей изъ передней шубы и шинели молодежь со сдержаннымъ смѣхомъ высыпала на заднее крыльцо. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Студеный морозный воздухъ сразу отрезвилъ Катю. Холодный крещенскій вечеръ захватилъ ее. Зимній вѣтеръ щипалъ лицо, щеки, носъ и проникалъ въ горло, овладѣвая ея дыханіемъ.

Автомобиль, раздобытый княземъ Валерьяномъ, несся стрѣлою по снѣжной дорогѣ.

— Какъ хорошо, какъ чудесно!—то и дѣло восторгались барышни.

— Таинственное романическое похищеніе четырехъ грацій!—смѣясь говорилъ Дима Николаевъ.—А и вы, Екатерина Аркадьевна, любите кататься въ автомобиляхъ?—обратился онъ къ Катѣ, сидѣвшей на колѣняхъ Нетти, помѣстившейся между сестрицами Завьяловыми.

Ложный стыдъ помѣшалъ сознаться дѣвочкѣ, что она никогда еще не ѣздила на моторѣ до сегодняшняго вечера и, Катя предпочла обойти молчаніемъ этотъ вопросъ.

— Куда же мы ѣдемъ, однако?—поинтересовалась Нетти.

— Туда, туда! Прямо все, прямо, на край свѣта, гдѣ онъ держится на одномъ изъ китовъ,—шутилъ Дима.

Его и безъ того маленькіе глазки стали еще меньше и казались щелочками. Катя видѣла, что эти щелочки задорно и насмѣшливо поглядывали на нее... Отъ Димы пахло виномъ и вся его нетрезвая фигура внушала Катѣ гадливое отвращеніе.

— Какой противный! Пьетъ вино и говоритъ глупости,—произнесла мысленно дѣвочка, стараясь не смотрѣть на Диму и другихъ спутниковъ, которые теперь казались ей не лучше подвыпившаго Димы, и искренно наслаждаясь быстрой ѣздой.

Мимо мелькали молніями дома, фонари, улицы... Проѣхали тихую окраину, вылетѣли стрѣлою въ болѣе шумную часть города и снова помчались въ тишину. Духъ захватывало отъ быстрой ѣзды въ груди Кати. Голова прояснилась, перестала болѣть. Но сама Катя, вся притихла сразу, словно опустилась какъ-то. Теперь передъ нею ясно предстала вся изнанка ея ночного приключенія.

Уѣхать, не спросясь у брата, у Іи, это что-нибудь да значило. Непріятное чувство сознанія содѣянной вины пробудилось въ сердцѣ дѣвочки. Ей уже не хотѣлось слушать веселой болтовни сосѣдей, не хотѣлось отвѣчать на ихъ вопросы. И самая скачка въ моторѣ не представляла уже больше никакого удовольствія. Ея спутники, между тѣмъ, трещали безъ умолку. Говорили громко, спорили о чемъ-то...

— Боитесь, боитесь, mesdames, нечего и говорить, боитесь!—смѣясь и заглушая всѣхъ своимъ громкимъ голосомъ, кричалъ Пестольскій.

— Нѣтъ, нѣтъ, вотъ глупости, волковъ бояться, въ лѣсъ не ходить,—надрывались барышни Завьяловы, перекрикивая молоденькаго корнета.

— Да, мы въ лѣсъ и не пойдемъ, мы поѣдемъ только на кладбище,—загоготалъ Дима Николаевъ, широко разѣвая ротъ.

Князь Валерьянъ, тоненькій, юркій и вертлявый, склонился къ лицу Кати.

— О чемъ задумались, очаровательные глазки?—спросилъ онъ сладенькимъ голоскомъ.

Отъ Валерьяна тоже пахло виномъ и языкъ юноши плохо ему повиновался.

Катѣ стало еще противнѣе. Еще сильнѣе и настойчивѣе зашевелилось раскаяніе въ глубинѣ души, отъ присутствія всей этой пустой и пошлой компаніи. Со дна ея поднималась муть отъ всѣхъ этихъ глупыхъ разговоровъ, безпричиннаго смѣха и ежеминутныхъ на каждомъ ухабѣ взвизгиваній барышень.

Въ это время Пестольскій разсказывалъ съ увлеченіемъ о послѣднихъ скачкахъ, о какомъ-то «божественномъ» жеребцѣ Снобѣ, который «схватилъ» всемірное Дер-

би, — но никто уже не слушалъ его. Замѣтно охмелѣвшій Дима Николаевъ чуть ли не во весь голосъ кричалъ, стараясь обратить на себя вниманіе всей компаніи.

— Это будетъ очаровательно... прелестно!..

— Всѣ стремятся совершать, обыкновенно, поѣздки на Стрѣлку, на острова, въ парки, а мы покатимъ на самый край Петербурга, на дальнее кладбище и посмотримъ, что запоютъ наши храбрыя барышни, очутившись въ мало подходящей къ нимъ компаніи мертвецовъ. Я вижу ужъ сейчасъ, какъ глаза Анастасіи Юрьевны расширились отъ страха, ха, ха, ха!—заключилъ Дима свою рѣчь самодовольнымъ смѣхомъ.

— Ложь, ложь!—протестовала Нетти,—ничего я не боюсь! неправда.

— Значитъ я ошибаюсь, и вы храбры какъ рыцарь средневѣковья?

— Ну, разумѣется, а вы думали какъ?

— Шоферъ, возьмите направо. Прямо къ N-скому кладбищу,—скомандовалъ Валерьянъ.

Глаза Кати испуганно раскрылись.

— Мы, кажется, дѣйствительно, поворачиваемъ на кладбище, зачѣмъ?—тихо спросила она у своихъ сосѣдокъ. Но никто не отвѣтилъ ей. Никто даже не разслышалъ ея вопроса. Всѣ говорили и смѣялись въ одно время, заглушая одинъ другого.

Моторъ повернулъ уже въ какой-то темный переулокъ и понесся снова впередъ со сказочной быстротой. Вдругъ онъ сразу остановился...

— Пріѣхали, дѣти мои, mille diables, какъ говоритъ Дима... Но что это? Ворота кладбища закрыты? Повидимому, они не очень-то любезные хозяева, господа покой-

нички, и совсѣмъ не намѣрены насъ принимать,—первымъ соскакивая на землю, шутилъ Валерьянъ.

— Можно въ обходъ, если главныя ворота закрыты... Тамъ, у рѣчки есть калитка,—посовѣтовалъ шоферъ.

— Вотъ неудача-то, но все равно! Поѣдемъ къ рѣчкѣ.

— Parbleu! Катимъ на рѣчку!

— Нѣтъ, сударь, этого, пожалуй, нельзя, машину испортимъ, дорога тамъ худая,—покачалъ головою шоферъ.

— Въ такомъ случаѣ, отправимся туда пѣшкомъ. Mesdames, не правда ли?.. Докажемъ свою храбрость!—предложилъ Дима, тяжело соскакивая съ подножки и попадая въ снѣгъ.

— Ловкость не порокъ!—сострилъ Валерьянъ подъ общій хохотъ, вызванный видомъ безпомощно барахтавшагося въ сугробѣ юнкера.

— Mesdames et messieurs! я предлагаю вамъ обойти ограду кладбища и проникнуть внутрь его съ другой стороны,—предложилъ Пестольскій.

— C'est ça, c'est ça! (Такъ! Такъ!) Очаровательно!—не совсѣмъ, однако, искренно обрадовались дамы.

— Господа, я предлагаю итти попарно, ваши руки mesdemoiselles,—и Дима Николаевъ, поднявшись, наконецъ, на ноги, подставилъ свернутыя калачикомъ руки обѣимъ барышнямъ Завьяловымъ. За ними корнетъ Пестольскій подошелъ къ Нетти.

— Очаровательная княжна... вашу прелестную ручку,—дразнилъ онъ ее по привычкѣ.

На этотъ разъ Нетти не обижалась на молодого человѣка, именовавшаго ее княжною. Она звонко смѣялась и торопила всѣхъ:

— Скорѣе, господа, скорѣе, докажемъ же нашу храбрость, побываемъ на кладбищѣ, а тамъ быстрымъ аллюромъ домой. Навѣрное, котильонъ уже кончился, сѣли ужинать и насъ могутъ хватиться.

— Allons, mes enfants! Разъ два, разъ два!—и Валерьянъ замаршировалъ по-солдатски, увлекая за собою Катю, опиравшуюся на его руку.

— Дядя Дима, дядя Дима,—кричалъ Пестольскій Николаеву,—а ты револьверъ съ собою не захватилъ?

— Мммм! Зачѣмъ онъ мнѣ?

— На всякій случай не мѣшало бы! У меня есть. А то знаешь, всякія могутъ произойти случайности на кладбищѣ... Тамъ, вѣдь, и пошаливаютъ иногда.

Тутъ начались разсказы о возставшихъ изъ гробовъ мертвецахъ, которые оказывались потомъ... ворами.

Въ это время, отставъ отъ компаніи, Валерьянъ нашептывалъ Катѣ:

— Какіе у васъ прелестные глазки, mademoiselle Katrine, въ темнотѣ, какъ двѣ маленькія звѣздочки они сверкаютъ. Не мудрено, что ваша старшая сестрица завидуетъ вамъ. Кстати, ваша сестрица совсѣмъ забрала васъ въ руки и смотритъ на васъ, какъ на маленькую дѣвочку, которую можно наказывать... Вотъ, вы увидите, когда она узнаетъ, что вы безъ спроса поѣхали съ нами, то поставитъ васъ въ уголъ, а можетъ быть еще на колѣни, ха, ха, ха, ха, а можетъ быть и на горохъ?.. Что вы на это скажете, ха, ха, ха, ха, ха!

Голосъ Валерьяна звучалъ обидной насмѣшкой. Было очевидно, что ему, во что бы то ни стало, хотѣлось раздразнить Катю до слезъ. Та вспыхнула, какъ порохъ, топнула ногою:

— Это неправда! Это ложь! Меня никто не смѣетъ

наказывать, я не ребенокъ,—возмущеннымъ тономъ вырвалось изъ устъ дѣвочки:

— Та-та-та-та,—не унимался юнкеръ, замѣчая съ удовольствіемъ, что слова его упали на плодотворную почву, что ему удалось царапнуть болѣзненно развитое самолюбіе дѣвочки,—та-та-та-та, parlez pour vous, ma petite, а я все-таки утверждаю, что васъ поставятъ въ уголъ, да еще высѣкутъ, пожалуй, какъ провинившуюся дѣточку...

— Но это уже черезчуръ!—возмутилась Катя, пытаясь вырвать изъ рукъ юнкера свою дрожащую отъ волненія и гнѣва руку.

— Ха, ха, ха, ха! Вотъ мы и разсердились! Milles diables, какъ говоритъ Дима,—ахъ, какъ вы бываете прелестны, когда сердитесь, Катя. Вы не сердитесь, что я называю васъ такъ, но вѣдь, мы родственники, и я считаю васъ своей милой маленькой сестричкою, и хочу утѣшить и успокоить васъ... Я не дамъ васъ въ обиду, крошка... Я васъ люблю, какъ маленькую сестричку... Разрѣшите мнѣ поцѣловать васъ! Что? Вы уклоняетесь? Ну, такъ я и безъ спроса васъ поцѣлую... Что за церемоніи между близкими родственниками, право! Вздоръ!

И прежде, чѣмъ Катя успѣла отскочить, лицо Валерьяна, отъ котораго пахло противнымъ запахомъ вина, наклонилось къ ней, а его губы старались дотянуться до ея пылающей отъ гнѣва щеки.

— Какъ вы смѣете! Оставьте меня въ покоѣ, я ненавижу васъ!—съ отвращеніемъ и негодованіемъ вырвалось у дѣвочки,—я пожалуюсь Андрюшѣ, я...

Катя не договорила. Слезы обиды и гнѣва обожгли ей глаза... Она прислонилась къ кладбищенскому забору, который они огибали въ эту минуту, и закрыла лицо ру-

ками. Валерьянъ растерялся, не зная, что дѣлать, что предпринять.

Остальная часть компаніи успѣла уйти далеко впередъ. Откуда-то издали уже слышались звонкіе голоса барышенъ, смѣхъ Нетти.

Совсѣмъ сконфуженный юноша сдѣлалъ попытку снова завладѣть Катиной рукою.

— Вотъ спичка-то! Вотъ фейерверкъ-то! Ну, и характерецъ у васъ, Катенька. Я думалъ, что на правахъ родственника имѣю право поцѣловать васъ, какъ милую, славную дѣвочку, а вы точно ежикъ... Право—ну, ежикъ. Фыркъ! Фыркъ! Перестаньте же, дайте же мнѣ вашу лапку, будемъ по-прежнему друзьями, — говорилъ онъ вкрадчиво, переминаясь съ ноги на ногу.

— Отстаньте отъ меня! Оставьте!—неожиданно для самой себя, рѣзко крикнула Катя, снова отталкивая руку юноши,—вы мнѣ противны. Да, противны всѣ, всѣ, всѣ!.. И за то, что вино пьете... за то, что чушь всякую несете все время и глупости дѣлаете. Я уже не маленькая, мнѣ скоро минетъ пятнадцать лѣтъ. И я не позволю себя обижать!—Не позволю!—Уже кричала теперь громкимъ, плачущимъ голосомъ Катя.

— То-есть, какъ это противны?.. Всѣ противны, и Нетти, и я?—недоумѣвалъ Валерьянъ.

— Да, да, да!—не помня себя, твердила дѣвочка.

— А такъ вотъ вы какая капризная, упрямая. Ну, въ такомъ случаѣ, разрѣшите хотя бы проводить васъ до мотора, и подождите насъ, пока мы не вернемся къ вамъ, чтобы ѣхать обратно,—уже холоднымъ, недовольнымъ тономъ, произнесъ обиженный Валерьянъ.

— Убирайтесь вы отъ меня! Я и сама найду дорогу къ мотору,—крикнула такъ пронзительно Катя, что мо-

лодой князекъ поднялъ руки къ ушамъ и, совершенно оглушенный, замоталъ головою.

— Но зачѣмъ же такъ кричать? Точно васъ рѣжутъ. Право, я и такъ уйду, согласно вашему приказанію. А вы потрудитесь сѣсть въ автомобиль и подождать насъ.

— Это не ваше дѣло!—грубо отрѣзала Катя,—уходите!

— Слушаюсь, ухожу...

И, повернувшись на каблукахъ, юноша побѣжалъ въ припрыжку догонять остальную компанію.

— Глупая дѣвчонка!—по дорогѣ бранилъ онъ Катю, отводя душу, — тоже вообразила себѣ, что неотразимо-хороша собою и еще ломается. Мѣщанка этакая! А того не понимаетъ, что ничего-то въ ней хорошаго нѣтъ, смуглая, черная, какъ голенище, глаза, какъ плошки, а туда же!..—«Вы мнѣ противны», ахъ, скажите пожалуйста! ничтожество этакое, туда же возмущается, грубитъ! — совершенно уже разошелся Валерьянъ.

Между тѣмъ, оставшись одна, Катя повернула назадъ, къ тому мѣсту, гдѣ оставался шоферъ съ машиной. Но ни шофера, ни машины здѣсь уже не было. Дѣвочка смотрѣла вправо, влѣво... Нигдѣ не было и признака автомобиля. Очевидно, шоферъ, воспользовавшись отсутствіемъ пассажировъ, заѣхалъ въ ближайшій трактиръ погрѣться и подкрѣпить свои силы.

Направо, вдоль ограды, убѣгалъ впередъ узенькій переулокъ. Въ него и повернула Катя, чтобы не выходить на проспектъ, куда, по ея предположенію, могли вернуться каждую минуту молодые люди. Съ ними же ей совсѣмъ не хотѣлось сейчасъ встрѣчаться. Ей были теперь несказанно противны и Валерьянъ, и Дима, первый своими пошлостями, второй неимовѣрной глупостью и пустотой.

— Пока не позовутъ сами, не вернусь ни за что на свѣтѣ,—думала Катя, машинально поворачивая въ слѣдующій переулокъ и все подвигаясь незамѣтно впередъ.

Пройдя нѣсколько минутъ, она пріостановилась и стала прислушиваться. Не зовутъ ли ее? Вѣдь, по ея предположенію, сейчасъ Нетти и ея спутники должны были уже хватиться ее, Кати, и, не найдя на мѣстѣ, не медля ни минуты, броситься на поиски за нею.

Но морозная ночь молчала попрежнему; не слышно было никакихъ голосовъ; кругомъ царила полная тишина.

Внезапный страхъ пронизалъ все существо Кати. Теперь только она вполнѣ поняла создавшееся положеніе. Ее оставили одну среди этой тишины и безлюдья, вблизи этихъ жуткихъ пустырей и кладбища.

Гдѣ же они всѣ, однако? О чемъ думаютъ они, оставляя ее такъ долго здѣсь?

Теперь уже недавнее гордое желаніе не встрѣчаться съ веселой компаніей уступило мѣсто другому. Катѣ захотѣлось уйти скорѣе къ свѣту, къ шуму, къ людямъ, какими бы дурными ни были они—все равно. Слишкомъ ужъ было пустынно и жутко кругомъ. И не признака присутствія человѣка вдобавокъ, ни единаго человѣческаго голоса, ни одного живого звука кругомъ!

Дрожа отъ волненія и отъ пронизывающаго ее насквозь холода, дѣвочка зашагала теперь быстрѣе, прямо, какъ ей казалось, по направленію проспекта, гдѣ, она была увѣрена, сейчасъ находилась молодежь, изрѣдка посылая въ тишину:

— Нетти! Нетти! Гдѣ вы?

Никто не отзывался попрежнему. Окраина города казалась вымершей. Между тѣмъ, высокая ограда, окру-

жающая погостъ, замѣнилась болѣе низкимъ, земляным валомъ, который было не трудно перелѣзть. Оттуда, изъза вала, странными, фантастическими фигурами казались кресты и памятники, находившіеся внутри ограды. Второпяхъ Катя и не замѣтила, что повернула совсѣмъ въ противоположную сторону и теперь отдалялась еще дальше отъ проспекта.

— Нетти, да гдѣ же вы, наконецъ!—уже съ явнымъ отчаяніемъ, понявъ вскорѣ свою ошибку, трепещущимъ голосомъ еще разъ крикнула Катя. И опять ни единаго звука не получилось въ отвѣтъ. Прежняя тишина и молчаніе царили на кладбищѣ и въ огибавшей его пустынной уличкѣ. Такъ прошло съ добрыхъ пять минутъ времени. Вдругъ Катя вздрогнула, Ей ясно послышались за оградой людскіе голоса.

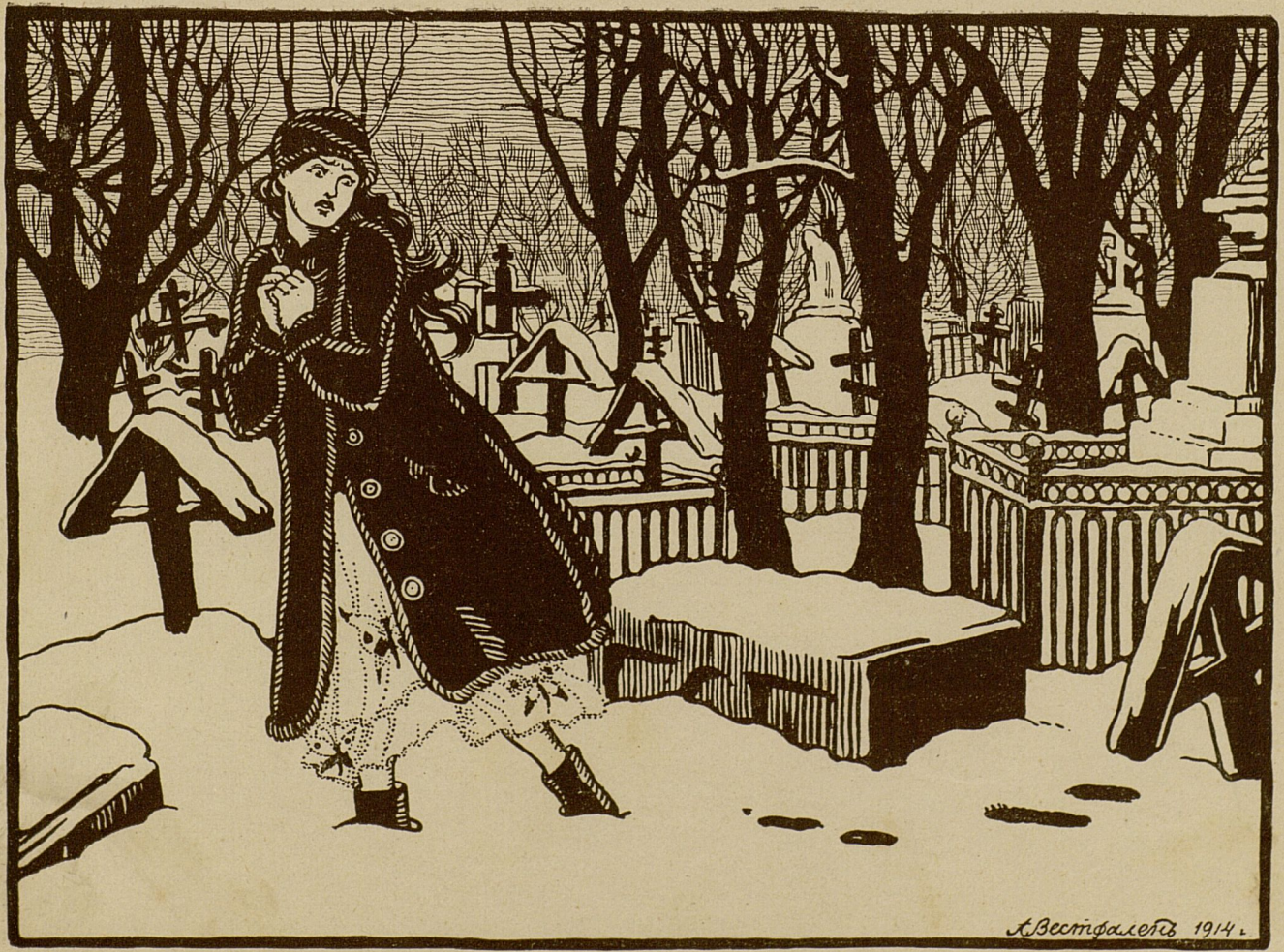
Лучъ надежды мелькнулъ въ головѣ дѣвочки.

— Нетти... Наконецъ-то! Они еще, оказывается, тамъ!—и, не разсуждая больше, дѣвочка стала быстро карабкаться по валу, въ надеждѣ, увидѣть по ту сторону ограды невѣстку и ея спутниковъ.

Быстрыми, ловкими движеніями, она влѣзла наверхъ, оттуда спрыгнула внизъ и очутилась въ рыхломъ снѣгу небольшого сугроба. Съ большими усиліями Катя выкарабкалась оттуда на дорожку, занесенную снѣгомъ, и, отряхнувшись, стала осматриваться.

Очевидно, она попала въ самую отдаленную часть кладбища, туда, гдѣ хоронили бѣдняковъ. При свѣтѣ ярко свѣтлѣвшаго въ эту ночь мѣсяца, дѣвочка могла разглядѣть покосившіеся убогіе кресты, невысокіе холмики, рѣдкіе, запушенные снѣгомъ и полуразрушенные временемъ скромные памятники...

Поглядывая по сторонамъ и увязая по щиколодку


А.Вестфалевъ 1914 г.

въ снѣгу, Катя быстро зашагала въ ту сторону, откуда ей слышались за минуту до этого людскіе голоса.

Но теперь ихъ уже не было слышно. Кладбище попрежнему спало мертвымъ сномъ, какъ и подобаетъ спать кладбищу.

Послѣдняя надежда покинула Катю. Одна одинешенька была она сейчасъ въ этомъ царствѣ мертвыхъ! А въ голову, какъ нарочно, лѣзли непріятныя воспоминанія, когда-то слышанные ею отъ пансіонерокъ разсказы о возставшихъ изъ гробовъ мертвецахъ, объ оказавшихся заживо погребенными въ летаргическомъ снѣ несчастныхъ... «Какъ они должны были стонать и биться подъ ихъ каменными плитами и крестами могилъ, до тѣхъ поръ, пока вѣчный покой не замѣнилъ имъ ихъ невообразимую муку!»—приходило совсѣмъ некстати въ голову дѣвочки. Разстроенному воображенію Кати уже казалось теперь, что кто-то скребется и словно стонетъ у сосѣдней могилы. Она задрожала всѣмъ тѣломъ. Ноги подкосились, какіе-то красные огни замелькали въ глазахъ. Но вотъ стонъ перешелъ въ довольно явственное и громкое кряхтенье... Теперь оно слышится, это кряхтенье близко, совсѣмъ близко, за спиною Кати... Холодный потъ проступаетъ на лбу дѣвочки... Она быстро оборачивается, вытягиваетъ руки, какъ бы защищая себя отъ опасности, и съ громкимъ пронзительнымъ крикомъ падаетъ въ тотъ же мигъ, теряя сознаніе, на снѣжную кладбищенскую дорожку. . . .

. . . . . .

Черная, мохнатая фигура, отдѣлившаяся отъ одного изъ памятниковъ, медленно приблизилась къ безчувственной распростертой на снѣгу Катѣ.

— Ишь ты, какъ испужалась сердешная, да, какъ же ты попала сюда?—И кладбищенскій сторожъ Акимъ Аки-

мовичъ, какъ его называли всѣ, имѣвшіе соприкосновеніе съ нимъ, нагнулся надъ безпомощнымъ тѣломъ, стараясь разглядѣть черты лежавшей передъ нимъ дѣвочки.

— Да, она померши никакъ, барышня-то! Такъ и есть померши... Со страху, стало быть... Бываетъ у нихъ, у господъ, значитъ, такое... Пужливы они, господа-то, не то что нашъ братъ мужикъ сиволапый,—разсуждалъ самъ съ собою старикъ, разглядывая лицо Кати.—Ахъ, ты, бѣдняга, бѣдняга. Куды-жъ мнѣ теперь доставить тебя,—сокрушался Акимъ Акимовичъ, въ то же самое время сдергивая съ себя теплую, овчинную шубу, придававшую ему сходство съ огромнымъ мохнатымъ звѣремъ и раскидывая ее на скамейкѣ, находившейся неподалеку.

Теперь, оставшись въ одномъ кафтанѣ, безъ шубы, стѣснявшей его движенія, онъ бережно приподнялъ Катю съ земли, отнесъ ее на скамейку и положилъ поверхъ шубы. Затѣмъ порылся въ карманѣ, вынулъ оттуда какой-то небольшой предметъ и приложилъ его къ своимъ губамъ. Въ тотъ же мигъ пронзительный, рѣзкій свистокъ разбудилъ мертвую тишину ночи. За первымъ свисткомъ раздался второй, за нимъ третій... Откуда-то зазвучали отвѣтные сигналы, къ нимъ вскорѣ присоединились человѣческіе голоса, послышались торопливые шаги... Еще голоса, еще свистки, и кладбище ожило... По его дорожкамъ засновали человѣческія фигуры... Откуда-то словно выросло изъ-подъ земли нѣсколько человѣческихъ фигуръ.

— Что, Акимычъ, нѣшто опять облаву сдѣлалъ на кладбищенскихъ воришекъ?—обратился одинъ изъ прибѣжавшихъ городовыхъ.

— Какое тамъ облаву... Вишь тутъ дѣло какое... Бѣда

стряслась: барышня здѣсь у меня померши...—махнувъ рукою, отвѣчалъ старикъ.

— Да что ты брешешь, старина? Какъ такъ померши!—прикрикнулъ на него блюститель порядка.

— А то нѣтъ? Сами взгляните, коли не вѣрите, какъ есть померши, и не дышетъ сердешная.

— Такъ въ участокъ отвезти ее, тамъ разберемся,—распорядился подоспѣвшій другой городовой. Потомъ онъ отдалъ нѣсколько приказаній своимъ помощникамъ. Тѣ подняли со скамьи неподвижное тѣло дѣвочки и понесли къ темнѣвшему вдали выходу.

Катя попрежнему не подавала никакихъ признаковъ жизни. На счастье, мимо кладбища проѣзжалъ извозчикъ. Одинъ изъ городовыхъ сѣлъ въ сани. Около него въ полулежачемъ положеніи помѣстили Катю. Извозчику былъ отданъ приказъ везти въ ближайшій полицейскій участокъ.

Какъ только молодежь, вдоволь нашумѣвшись подъ оградой кладбища, (на самое кладбище имъ такъ и не удалось проникнуть), вернулась къ тому мѣсту, гдѣ ожидалъ ихъ автомобиль, тотчасъ же было обнаружено отсутствіе Кати.

— Гдѣ же Katrine? Куда она дѣвалась?—встревожилась Нетти, тщетно отыскивая глазами знакомую Катину фигурку.

Но увы, послѣдней нигдѣ не было. Спросили шофера. Но тотъ, успѣвшій довольно основательно подкрѣпиться по сосѣдству въ трактирѣ, мычалъ только что-то маловразумляющее въ отвѣтъ.

— Вѣроятно, пошла прогуляться, пользуясь нашимъ

отсутствіемъ,—сдѣлала предположеніе одна изъ барышенъ Завьяловыхъ.

— Не очень-то любезно это съ ея стороны, заставлять себя ждать и волноваться,—надувая губки, процѣдила сквозь зубы ея сестра.

— Катя—трусиха, насколько я ее успѣла узнать. Она никогда не рискнетъ гулять одна въ ночную пору, да еще на такой отдаленной окрайнѣ города,—произнесла несовсѣмъ спокойнымъ голосомъ Нетти.

— Стало быть ее похитили!—сострилъ Дима,—mille diables, не завидую ея похитителю, характеръ, повидимому, у этой молодой особы не изъ легкихъ.

— Охъ, и насолила же она тебѣ видно, Димушка!—засмѣялся Пестольскій.

— На этотъ разъ ты ошибся, не Димѣ, а мнѣ пожелала испортить вечеръ своими капризами эта невозможная юная особа,—съ не совсѣмъ искреннимъ смѣхомъ заявилъ Валерьянъ,—дѣйствительно, я разсердилъ ее немножко, хотѣлъ пошутить, но вѣдь вы знаете, mesdames et messieurs, что эти провинціалочки совсѣмъ не умѣютъ различать шутокъ и обидчивы, какъ какія-то femmes de chambre (горничныя). Словомъ, мы окончательно повздорили съ прелестной Катенькой, она вырвала у меня руку и пожелала, очевидно, уѣхать на извозчикѣ домой одна.

— Да неужели? Но почему же вы намъ этого не сказали раньше, когда мы спрашивали васъ, гдѣ Катя?—накинулись на Валерьяна обѣ сестрички Завьяловы.

— А, Боже мой, да развѣ я зналъ!.. Я былъ увѣренъ, что она ждетъ насъ въ моторѣ, а оказывается эта маленькая капризница умчалась уже одна.

— Несносная дѣвчонка! Я ей покажу, какъ пугать насъ даромъ... Я ее выбраню хорошенько, будетъ знать,

какъ безпокоить людей...—ворчала себѣ подъ носъ Нетти, первой вскакивая въ автомобиль. За нею размѣстилась и остальная компанія.

— И хорошо сдѣлала, что уѣхала, по крайней мѣрѣ, мѣста больше...—высказалъ кто-то свое мнѣніе.

— Однако, господа, надо торопиться, чтобы успѣть пріѣхать много раньше Кати. А то, воображаю, какой поднимется гвалтъ, когда мы явимся безъ нея. Одна уже ея дражайшая сестричка совсѣмъ насъ сживетъ со свѣта,—бросала, волнуясь, Нетти.

— Прекрасно. Я ничего не имѣю противъ быстрой ѣзды,—и, наклонившись къ шоферу, Пестольскій отдалъ ему приказаніе ѣхать какъ можно лучше.

Какъ мало походила эта обратная дорога на ту недавнюю, когда расшалившаяся молодежь мчалась на окраину города, среди смѣха, шутокъ и искренняго веселья. Теперь всѣмъ было какъ-то не до шутокъ. Даже барышни Завьяловы и неугомонный Дима притихли. Нетти сидѣла, надутая и недовольная, не переставая бранить Катю за ея безтактное, по ея мнѣнію, исчезновеніе.

Чѣмъ ближе подъѣзжали къ дому, тѣмъ ниже, подавленнѣе дѣлалось всеобщее настроеніе. Вотъ показался вдали ярко освѣщенный особнякъ. Въ окнахъ мелькали танцующія пары.

— Кажется, все слава Богу,—нашего отсутствія никто и не замѣтилъ,—съ облегченнымъ вздохомъ вырвалось у Нетти, тревожно взглянувшей на освѣщенныя окна.

— Ого, да мы, кажется, трусимъ, очаровательная княжна!—пошутилъ Пестольскій.

— Волковъ бояться—въ лѣсъ не ходить!—съ глупымъ апломбомъ выпалилъ Дима.

— Ахъ, вы не знаете Ію, эту кислосладкую добродѣ-

тель,—оправдывалась Нетти,—вѣдь, отъ однѣхъ ея нотацій на край свѣта можно сбѣжать!

Моторъ остановился. Кавалеры предупредительно высадили дамъ.

— Что Екатерина Аркадьевна вернулась, Луша? — спросила горничную Нетти, пробираясь тѣмъ же ходомъ черезъ кухню и буфетную, вмѣстѣ съ остальной молодежью.

— Никакъ нѣтъ, барыня,—отвѣчала Луша, съ удивленіемъ глядя на свою молодую хозяйку.

Нетти замѣтно измѣнилась въ лицѣ при этомъ извѣстіи и растерянными глазами взглянула на своихъ спутниковъ. Но тутъ Пестольскій подскочилъ къ молодой женщинѣ и, не давъ ей опомниться, увлекъ ее въ вихрѣ бѣшеной мазурки.

Дима и Валерьянъ подхватили барышенъ Завьяловыхъ и, какъ ни въ чемъ ни бывало, вернувшаяся компанія окунулась съ головою въ самое безшабашное веселье.

За мазуркой слѣдовалъ ужинъ. Провозглашались тосты, произносились рѣчи. Дима, Валерьянъ и ихъ старшій товарищъ Пестольскій вмѣстѣ съ Нетти, Ниной и Ольгой Завьяловыми заняли дальній конецъ стола. Здѣсь у нихъ царило неподдѣльное веселье. Даже тяжеловѣсныя остроты Димы и пустенькіе анекдоты и разсказы о скачкахъ и лошадяхъ Валерьяна возбуждали самый заразительный смѣхъ. О Катѣ они, какъ будто, всѣ забыли. Да и могли ли они помнить въ эти минуты о какой-то, чужой имъ всѣмъ дѣвочкѣ, когда отъ выпитаго шампанскаго уже кружились и шумѣли головы, самыя рѣчи звучали все безсвязнѣе, безпричиннѣе и глупѣе съ каждой минутой.

Андрей Аркадьевичъ и княгиня Констанція Иванов-

на уже безпокойно поглядывали на черезчуръ развеселившуюся на дальнемъ концѣ столовой компанію. Молодой художникъ приподнялся съ своего мѣста, чтобы вмѣшаться въ это черезмѣрно оживленное веселье и, хотя бы нѣсколько сдержать его и въ ту же минуту замеръ на мѣстѣ, какъ и всѣ находившіеся въ столовой, и хозяева, и гости.

На порогѣ комнаты стояла Ія.

Ея лицо было бѣло, какъ скатерть, постланная на столѣ. Глаза блуждали по комнатѣ, розыскивая кого-то... Вотъ они остановились на лицѣ брата. Съ тѣмъ же выраженіемъ смертельнаго испуга, написаннаго на ея блѣдномъ лицѣ, Ія шагнула къ Андрею Аркадьевичу.

— Гдѣ Катя? — едва двигая побѣлѣвшими губами, глухо произнесла молодая дѣвушка,—я посылала за нею сюда Лушу... Горничная отвѣтила, что здѣсь ея нѣтъ... Въ Неттиномъ будуарѣ и у князя Юрія Львовича тоже нѣтъ Кати... Гдѣ она? Твоя жена была съ нею все время... Спроси ее... Куда она дѣвала нашу сестру?

Еслибъ потолокъ обрушился въ эту минуту на голову Андрея Аркадьевича, молодой человѣкъ ошеломленъ былъ бы не болѣе того, нежели сейчасъ.

— Гдѣ Катя? Да, гдѣ же Катя?—машинально повторилъ онъ, мѣняясь сразу въ лицѣ и быстро направляясь въ ту сторону, гдѣ сидѣла въ кругу своихъ друзей Нетти.

Яркая краска залила лицо послѣдней при видѣ приближающагося къ ней мужа. Замѣтно смутились и ея друзья. Особенно растерялся Валерьянъ, который, несмотря на выпитое въ изрядномъ количествѣ вино, не могъ не сознавать своей вины въ исчезновеніи Кати. Теперь же, передъ лицомъ встревоженнаго и испуганнаго

Андрея Аркадьевича онъ совсѣмъ уже струсилъ. Боязливый по натурѣ, онъ предпочелъ свалить свою вину на другого...

— Нетти... Они ищутъ Катю... Отвѣть же имъ, гдѣ она,—едва ворочая языкомъ, обратился онъ къ молодой женщинѣ.

Та покраснѣла еще гуще, но всячески старалась овладѣть собою и съ дѣланнымъ спокойствіемъ бросила черезъ плечо по адресу Іи, незамѣтно слѣдомъ за Андреемъ приближавшейся къ нимъ:

— Ахъ, ты, Господи Боже мой, что за странные вопросы, право! Почемъ же я знаю, гдѣ она! Развѣ я обязана быть нянькой вашей сестры, Ія? Вѣдь она не маленькая, скоро, слава Богу, пятнадцать лѣтъ стукнетъ... Выѣхали мы всѣ вмѣстѣ, это правда. Но потомъ она...

— Куда выѣхали?

Теперь глаза Іи уже не блуждали, какъ за минуту до этого, растерянным, испуганнымъ взглядомъ. Съ ненавистью и нескрываемымъ презрѣніемъ смотрѣли они въ красивое лицо Нетти.

Да, она предчувствовала эту минуту инстинктомъ любящаго сердца сестры, предчувствовала то, что рано или поздно должно было произойти какое-то несчастье отъ этой ненормальной дружбы Нетти съ Катей. И вотъ, свершилось, она была права!..

— Гдѣ моя сестра? Куда вы ее дѣвали?—сурово глядя въ ненавистные ей теперь черные глаза, глухимъ отъ волненія голосомъ спрашивала Ія невѣстку, и сама того не замѣчая, крѣпко сжала руку Нетти, пониже локтя.

— Пустите же... Оставьте меня... На насъ смотрятъ!.. Не дѣлайте себя посмѣшищемъ,—шипѣла Нетти, стараясь безполезнымъ движеніемъ освободить свою руку изъ хо-

лодныхъ пальцевъ невѣстки. Но они попрежнему сжимали ее, какъ тиски. Весь столъ обратилъ вниманіе на эту сцену.

— Mille diables, — вдругъ вырвалось изо рта Димы, — о чемъ тутъ толковать; m-elle Katrine сейчасъ должна пріѣхать. Мы прокатились съ ней немного за городъ, потомъ она поссорилась изъ-за чего-то съ Валерьяномъ и пожелала уѣхать одна.

— Одна?

Глаза Іи сверкнули гнѣвомъ. Теперь ихъ негодующій взглядъ перешелъ съ лица Димы на лицо Валерьяна.

— Гдѣ Катя? — глухимъ голосомъ спросила она послѣдняго.

Но тотъ только улыбнулся въ отвѣтъ безсмысленной улыбкой.

Тогда Андрей Аркадьевичъ съ лицомъ, не поддающимся описанію, такъ оно было гнѣвно въ эту минуту, быстрыми шагами подошелъ къ Валерьяну и, взявъ его подъ руку, вывелъ въ сосѣднюю гостиную.

— Если ты мнѣ сейчасъ же не скажешь, гдѣ Катя, бездѣльникъ, — началъ онъ, отчеканивая каждое слово, — то я... то я...

Гнѣвъ Басланова, очевидно, не предвѣщалъ ничего хорошаго, потому что Валерьянъ отрезвѣлъ сразу и дрожащимъ голосомъ повѣдалъ обо всемъ случившемся шурину.

Ія съ тѣмъ же блѣднымъ безъ кровинки лицомъ, выслушала его разсказъ до конца.

— Надо ѣхать искать ее сію же минуту по городу, — взволнованно проронилъ Андрей Аркадьевичъ.

— Да, да! И я съ тобою... И я... — сорвалось съ трепещущихъ губъ его сестры.

— А по-моему, изъ всего этого получится только одна ерунда,—услышали они оба за собой знакомый, грубоватый голосъ.

Всѣ обернулись.

Старшій князекъ Леонидъ въ своемъ костюмѣ русскаго мужичка стоялъ передъ Іей.

— Положительно безсмысленно, повторяю, такъ метаться по городу, —подтвердилъ онъ.—Необходимо прежде всего снестись по телефону со всѣми участками столицы, узнать, не находится ли тамъ дѣвочка, похожая примѣтами на Катю; если же ее не найдется ни въ одномъ изъ нихъ, можно будетъ обратиться въ сыскное.

Голосъ молодого человѣка звучалъ такъ авторитетно и спокойно, что не послушать его не было никакой возможности.

— Такъ идите же, ради Бога, справьтесь по телефону, Леонидъ Юрьевичъ,—вырвалось у Іи. И сама она слѣдомъ за студентомъ бросилась къ аппарату.

Обстоятельно и толково, всячески стараясь быть спокойнымъ, отыскалъ Леонидъ нужный ему номеръ. Затѣмъ второй, третій... Въ каждое отдѣленіе обращался онъ съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ, детально описывая внѣшность Кати, ея костюмъ и примѣты. Но нигдѣ не находилось такой дѣвочки, черненькой, смуглой, въ маскарадномъ костюмѣ Мотылька... Ія, слѣдившая за каждымъ измѣненіемъ лица молодого человѣка, уже начинала приходить въ отчаяніе. По лицу присутствовавшаго тутъ же Андрея Аркадьевича было видно, какъ сильно волнуется онъ. И брату и сестрѣ казалось теперь, что они никогда уже не увидятъ больше ихъ бѣдную Катю.

Узнавъ о случившемся несчастьѣ сошелъ сверху и старый князь Юрій Львовичъ, поднявшійся уже было

къ себѣ въ кабинетъ. Всѣ трое теперь замерли, сгруппировавшись у телефона и совершенно позабывъ объ ужинѣ и гостяхъ.

Леонидъ звонилъ чуть ли не въ тридцатое мѣсто, повторяя все то же, что говорилъ, сносясь съ предыдущими нумерами. Вдругъ лицо его неожиданно просіяло. Торжествующая улыбка промелькнула на губахъ.

— Ну, вотъ, что я говорилъ! Что!—не отрывая уха отъ слухового аппарата, бросилъ онъ по адресу все также взволнованныхъ Баслановыхъ,—нашлась ваша Катя... Жива и здорова. Ѣдемъ за ней. . . . . .

. . . . . .

Ія смутно помнила все послѣдующее...

И грязную лѣстницу полицейскаго участка и спертый удушливый воздухъ въ просторной нечистоплотной комнатѣ, гдѣ спало сидя и лежа нѣсколько подозрительнаго вида субъектовъ, оборванцевъ и нищихъ. И быстро метнувшуюся къ ней въ темномъ проходѣ фигурку, которую откуда-то привелъ дежурный полицейскій:

— Отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ удалось помѣстить вашу барышню.. Какъ увидали, что благороднаго происхожденія онѣ-съ, сейчасъ это ихъ въ сторонку-съ...— предупредительно пояснилъ Ію и слѣдовавшему за нею ея спутнику Леониду городовой, въ то время какъ Катя отчаянно рыдала на плечѣ старшей сестры.

— Боже мой, какой ужасъ! Какой ужасъ, Іечка!— всхлипывая, роняла бѣдная дѣвочка,—тамъ, одну-одинешеньку, оставили въ глухомъ, пустынномъ мѣстѣ у кладбища!.. А сами уѣхали, какъ ни въ чемъ ни бывало! Какъ мнѣ было страшно, еслибъ ты знала, одной...

— Узнаю мою дражайшую сестрицу,—ввернулъ свое слово возмущенный Леонидъ.

— Какой ужасъ, Ія! Ты подумай: ночь... тишина... всюду кругомъ памятники... кресты... и вдругъ, страшная непонятная фигура. Потомъ ничего не помню... И опять открываю глаза и вижу: та же ночь... незнакомая ужасная каморка, чадящая лампа... дверь на замкѣ снаружи...

— Еле оттерли барышню. Едва въ себя привели,—докладывалъ городовой.

— Я думала съума сойду... Думала въ тюрьмѣ я,—продолжала, все также волнуясь, Катя,—а за что меня посадили въ тюрьму, не знала, догадаться не могла. Вдругъ вызываютъ меня... Ты пріѣхала! Ты!

Дѣвочка крѣпче прижалась къ груди Іи, точно боясь, что ее отнимутъ, оторвутъ насильно отъ сестры, и зарыдала еще громче, еще отчаяннѣй.

У Іи теперь не хватало духа бранить Катю за самовольную отлучку, за всѣ проступки послѣдняго времени, приведшіе дѣвочку къ такимъ печальнымъ результатамъ. Изъ слезъ послѣдней, изъ ея отчаянія, изъ отрывистыхъ признаній старшая сестра убѣдилась, что все происшедшее съ младшей послужитъ на всю жизнь урокомъ для Кати.

Безпечность, легкомысліе и излишняя довѣрчивость къ людямъ вмѣстѣ съ тщеславіемъ и ложнымъ самолюбіемъ довели до такого плачевнаго случая бѣдную дѣвочку.

— Что же намъ дѣлать теперь, Катя?—участливо и ласково спросила младшую сестренку Ія, въ то время какъ онѣ ѣхали на извозчикѣ домой.

— Отвези меня завтра же въ пансіонъ, Іечка... Я не хочу возвращаться къ Нетти, я терпѣть не могу ее!—и, уткнувъ лицо въ шубку сестры, Катя снова заплакала тихими исполненными раскаянія слезами...

ГЛАВА XI.

Февральскій привѣтливый, ласковый денекъ радостно заглядываетъ въ окна студіи. Въ лучахъ милаго жизнерадостнаго солнца словно оживаютъ многочисленныя картины, развѣшанныя по стѣнамъ мастерской, разставленныя на мольбертахъ, а то и прямо на полу, приткнутыя къ стѣнѣ, дивану и стульямъ.

Посреди свѣтлой, веселой, насквозь будто пронизанной солнцемъ комнаты, на высокомъ мельбертѣ стоитъ картина. Она почти закончена. Остались какіе-нибудь мелкіе штрихи, замалевать фонъ, дополнить детали костюмовъ и декораціи. Но самыя лица картины закончены вполнѣ. Они написаны мастерски, съ присущимъ молодому художнику сочнымъ, далеко не израсходованнымъ талантомъ. Не даромъ потрудился Андрей Аркадьевичъ Баслановъ надъ своей «Сказкой», какъ называлъ онъ это свое послѣднее и наиболѣе удачное произведеніе; недаромъ просиживалъ онъ надъ нею съ утра до сумерекъ, забывая за работой весь міръ. Онъ готовилъ свое произведеніе къ ближайшей весенней выставкѣ и отдалъ своему новому творенію всѣ эти мѣсяцы неотступнаго труда, все свое время. И картина вышла на славу. Она изображала, соотвѣтственно заглавію, сказку о Спящей Красавицѣ. Баслановъ взялъ сюжетомъ наиболѣе удачный моментъ сказки, тотъ, когда разбуженная поцѣлуемъ принца, открываетъ глаза прекрасная царевна и съ удивленіемъ осматривается кругомъ. Ея гробъ качается среди кудрявыхъ вѣтокъ серебряныхъ тополей, въ чащѣ прекраснаго тѣнистаго сада... Вдали виднѣются мраморныя колонны пустыннаго, заколдованнаго дворца... Съ боку плещетъ

фонтанъ, алѣютъ кусты яркихъ розъ... И солнечный восходъ нѣжнымъ заревомъ охватываетъ полъ-неба... Яркость колорита, сочность и обиліе свѣтлыхъ красокъ,— вотъ что было преобладающими сторонами этой богато задуманной и съ огромнымъ талантомъ выполненной картины... Она должна была имѣть несомнѣнный потрясающій успѣхъ. Недаромъ же всѣ знающіе, испытанные, опытные художники, старшіе товарищи Андрея Аркадьевича по Академіи признали это. А богачъ Томсонъ уже заранѣе заключилъ условіе съ творцомъ «Сказки», рѣшивъ пріобрѣсти у Басланова и эту картину, независимо отъ того, какой бы успѣхъ она ни имѣла на вернисажѣ *). Словомъ, новое произведеніе кисти Андрея Басланова готовило ея творцу и большую славу и матеріальный достатокъ, такой необходимый для семьи небогатаго труженика. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

— Тише, ради Бога, тише... Жура... Не дай Богъ, услышитъ Нетти... Вѣдь она насъ прибьетъ...

— Какъ бы не такъ! Неужели ты думаешь, что я такъ и дамъ тебя въ обиду!..

— Какъ же ты справишься съ нею, ты—такой маленькій!

— Это я-то маленькій? Ха, ха! А Ія Аркадьевна что говоритъ? Что я взрослый мужчина, а такъ какъ папы у насъ нѣтъ, то я долженъ поэтому защищать вмѣсто него маму и тебя.

— А ты все-таки потише... А то прибѣжитъ Нетти и прогонитъ насъ... Вотъ мы и не увидимъ картины.

---

*) Открытіе выставки картинъ.

— Хорошо, хорошо,—подойдемъ на цыпочкахъ...

На цыпочкахъ дѣти осторожно подкрадываются къ мольберту. Они еще не видѣли «Сказки». То-есть видѣли еще тогда, когда картина была еще далеко не закончена и на ней едва намѣчались лица. Тогда она стояла, завѣшанная какимъ-то легкимъ, прозрачнымъ покрываломъ. Теперь же это покрывало было снято и «Сказка» развернулась передъ глазами дѣтей во всей своей яркой сверкающей красотѣ.

— Смотри, смотри, какая прелесть!..—восторженно зашептала Надя, хватая за руку брата,—совсѣмъ какъ въ той сказкѣ, которую намъ разсказывала няня Даша, помнишь? Жура, Жура, гляди хорошенько, чье лицо у царевны на картинѣ? А?

— Какъ чье?—Неттино, конечно! Или ты не знаешь, что всѣ изображенныя у дяди Андрюши лица похожи на тетю Нетти,—тономъ, не допускающимъ возраженій, произнесъ маленькій человѣкъ.

— Ай, нѣтъ, далеко не всѣ,—запротестовала Надя, уже нѣсколько минутъ самымъ внимательнымъ образомъ приглядывавшаяся къ картинѣ.—Взгляни, напримѣръ, хотя бы на прекраснаго принца, на кого онъ похожъ?

— На кого?

Голубые Журины глазки съ явнымъ любопытствомъ устремились на изображеніе юноши въ голубой епанчѣ и въ бархатномъ беретѣ со страусовымъ перомъ, поверхъ свѣтлыхъ бѣлокудрыхъ кудрей.

— Ну что? кого тебѣ напоминаетъ принцъ на картинѣ?—допытывалась Надя,—ты посмотри поближе и повнимательнѣе,—возбужденно и весело шептала она.—«Какой, право, смѣшной этотъ Жура! Какъ не узнать этихъ сѣрыхъ, немного строгихъ глазъ, этого энергичнаго алаго

рта, этихъ волнующихся волосъ! Ахъ, какъ похоже! какъ похоже изобразилъ милый образъ дядя Андрюша!.. Недаромъ же они съ Журой такъ стремились посмотрѣть эту картину... Она, дѣйствительно, чудо, прелесть какъ хороша! Какъ жаль, что до сегодняшняго дня имъ не удавалось проникнуть въ студію. Дядя Андрюша запирается на ключъ, когда работаетъ, а когда уходитъ изъ дома,—то картина всегда завѣшивается тафтою. Сегодня же они, узнавъ отъ горничной, убиравшей ежедневно мастерскую, что картина стоитъ безъ покрывала, рѣшили проникнуть въ студію и . хотя бы однимъ глазкомъ взглянуть на нее, несмотря на строгое запрещеніе тети Нетти.

Какая прелесть! Нетти въ лицѣ Спящей Красавицы глядитъ съ полотна, какъ живая. И не обычная злая, всегда всѣмъ недовольная Нетти, но новая еще, невиданная дѣтьми, милая, ласковая, хорошая... А сказочный принцъ...

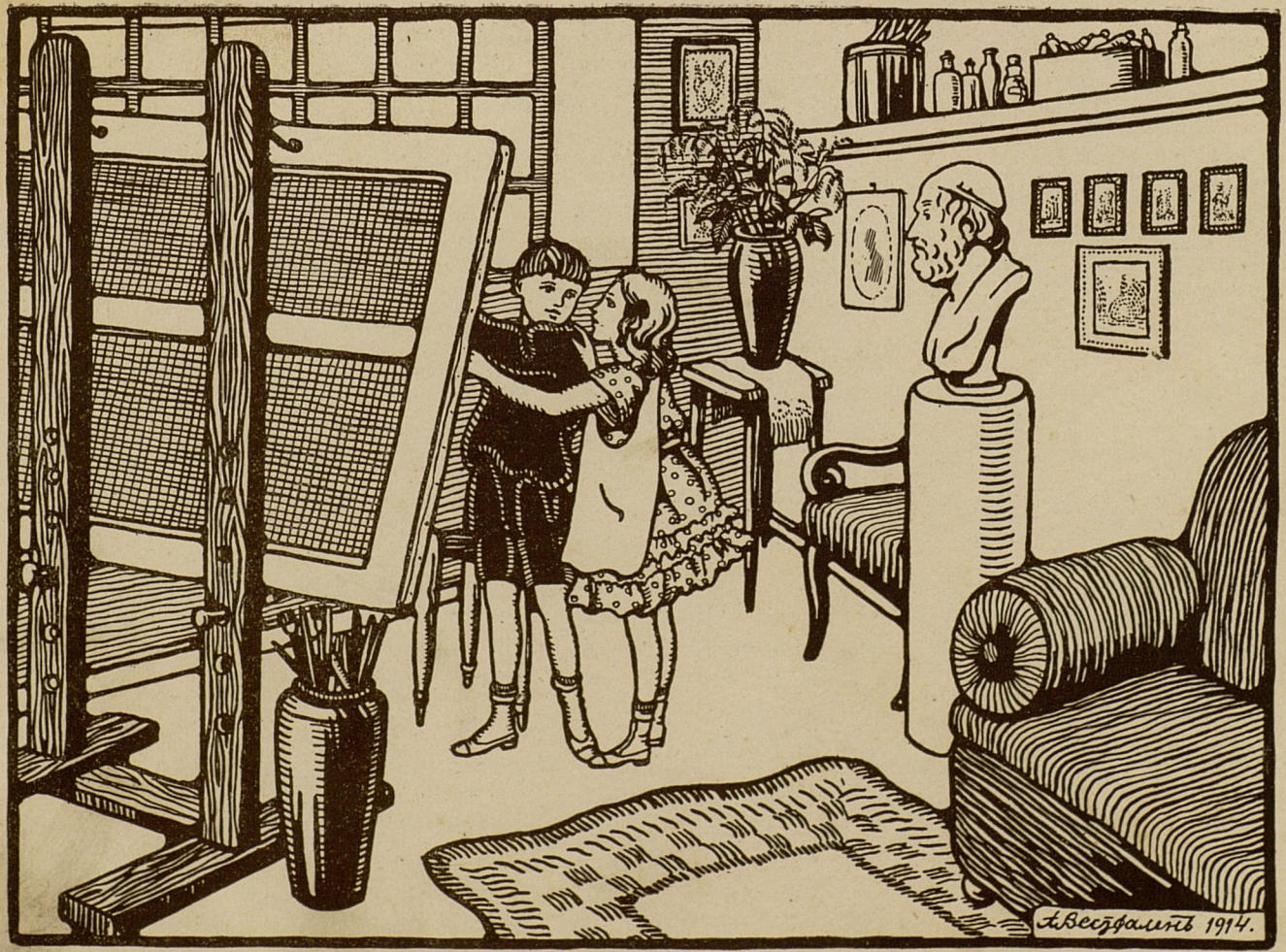
— Журка, да неужели ты не узнаешь, кого изобразилъ дядя Андрюша въ лицѣ этого принца?—лукаво и весело допытывалась у брата Надя.

— Постой... сейчасъ... Я принесу стулъ и погляжу поближе.

И мальчикъ стремительно бросился въ уголъ, захватилъ невысокій табуретъ, живо подтащилъ его къ картинѣ и взгромоздился на него, къ немалому смущенію сестры.

— Вижу! Вижу! Теперь узналъ! Наша Ія Аркадьевна! Она, она, какъ живая!—закричалъ онъ, забывшись, не только на всю студію, но и на весь домъ.

— Ну, ну, она, конечно!—вторила брату и Надя,—и вѣдь, что удивительнѣе всего, что дядя Андрюша наизусть нарисовалъ ее, она даже не позировала ему, какъ тетя


А. Весфален 1914.

Нетти... А между тѣмъ, какъ хорошо, какъ похоже вышла Ія Ар...

Надя не успѣла докончить своей фразы. Вся вытянулась... Поблѣднѣла... Ей ясно послышались чьи-то торопливые, быстрые шаги за дверью...

— Нетти! Слѣзай скорѣе!—отчаяннымъ шопотомъ зашептала она брату. — Скорѣй, скорѣй, прыгай на полъ!

И самъ Жура отлично сознавалъ, что медлить было нельзя... Но отъ смущенія или отъ испуга, мальчикъ растерялся и спустилъ одну ногу на полъ лишь въ ту самую минуту, когда дверь студіи уже распахнулась настежь и зеленая отъ гнѣва сюда стремительно вбѣжала Нетти.

При видѣ разъяреннаго лица молодой женщины, Жура уже окончательно растерялся... Онъ пошатнулся... Табуретъ выскользнулъ у него изъ-подъ ноги...

Инстинктивно, чтобы удержать равновѣсіе, онъ схватился за края картины и въ тотъ же мигъ и табуретъ, и Жура, и самый мольбертъ съ картиной тяжело грохнулись объ полъ...

— Ай!—пронзительно взвизгнула на весь домъ Нетти, бросаясь къ накрытому полотномъ картины мальчику.

— Ай!—словно эхо отозвалась на смерть перепуганная Надя.

Въ слѣдующую же секунду, блѣдная отъ ярости Нетти, вся трясясь и скрежеща зубами, подскочила къ Журѣ... Еще секунда... и, освободивъ мальчика отъ упавшей на него картины, она осторожно водворила послѣднюю на прежнее мѣсто, бросила бѣглый взглядъ на полотно и, убѣдившись, что вещь ничуть не пострадала при па-

деніи, Нетти весь свой гнѣвъ, свое негодованіе и бѣшенство обрушила на затихшаго отъ испуга Журу.

— Ага, такъ-то вы меня слушаетесь, дряни вы этакія!—сквозь стиснутые зубы зашипѣла она и, сжимая кулаки, наклонилась надъ ошалѣвшимъ отъ ужаса мальчикомъ.

— Погоди же! Расправлюсь я съ тобой, негодяй!—съ перекосившимся отъ ярости лицомъ глухо роняла она, нагибаясь все ниже и ниже къ блѣдному личику ребенка.

Но тутъ произошло нѣчто совсѣмъ непредвидѣнное молодой женщиной. Въ одну секунду между нею и Журой очутилась дрожащая какъ листъ фигурка Нади и трепещущій голосъ дѣвочки залепеталъ, едва выговаривая отъ волненія слова:

— Жура не виноватъ... Вы сами его испугали... Картина щѣла...Оставьте Журу... Если вы его тронете, я.. я... мамѣ...

Послѣднее слово вырвалось крикомъ изъ перекошеннаго гримасой страха ротика Нади...

Мгновенная пауза... и, схвативъ за плечи дрожащую дѣвочку, Нетти приподняла надъ поломъ и швырнула изо всѣхъ силъ по направленію дивана. Но Надя не достигла мягкаго сидѣнья кушетки.. Глухой ударъ раздался въ комнатѣ. За нимъ послышался вопль... Протяжный, жалобный, исполненный страданія и боли...

Кулаки Нетти невольно оставили въ покоѣ Журу и разжались сами собой...

— Это еще что за притворство, чего ты орешь? Точно съ тобой Богъ вѣсть что дѣлаютъ!—закричала она, бросаясь къ Надѣ и тормоша плечи дѣвочки.

Но послѣдняя молчала. Только лицо ея было блѣдно

прозрачной нездоровой блѣдностью и неподвижно лежало распростертое на полу маленькое тѣльце.

— Что вы сдѣлали съ Надей?—закричалъ Жура, бросаясь опрометью къ сестрѣ.

— Надя... Надюша... очнись!.. Отвѣть мнѣ что-нибудь, милая!—склоняясь надъ нею, молилъ перепуганный мальчикъ.

— Что здѣсь такое? Что за крики, Жура! Надя!—послышалось съ порога комнаты и спокойная по виду, но сильно волнующаяся Ія появилась здѣсь.

— А! И вы здѣсь!—яростно накинулась на пришедшую дѣвушку Нетти,—полюбуйтесь на ваши сокровища... Они картину Андрея испортили... Лучшее произведеніе его погубили!.. Лишили насъ куска хлѣба... разорили въ конецъ! А теперь, извольте видѣть, въ обморокъ эта дѣвчонка грохнулась... Напроказничала и со страху притворяется... Ну, да я ее живо розгами въ чувство приведу,—и говоря это, Нетти снова ринулась къ Надѣ.

— Не смѣйте трогать дѣвочку,—спокойнымъ властнымъ голосомъ произнесла Ія, и такъ взглянула на невѣстку, что Нетти сразу пришла въ себя. Все бѣшенство ея исчезло куда-то сразу.

Быстрыми шагами Ія перебѣжала комнату, наклонилась надъ Надей, бережно подняла ее и перенесла на диванъ. Голова бѣдной дѣвочки безпомощно свѣсилась... Широко раскрытые глаза смотрѣли, ничего не видя. Струйка крови стекала со лба вдоль щеки.

— Но она въ обморокѣ... Что вы сдѣлали съ нею?—ледянымъ тономъ спросила Ія невѣстку.

— Ха, ха, ха!—не совсѣмъ естественно расхохоталась та.—Что я сдѣлала? Да абсолютно ничего не сдѣлала съ этой притворщицей, если не считать того, что я слегка

оттолкнула дѣвчонку, когда она лѣзла чуть ли не съ кулаками на меня.

— Надя съ кулаками? Такой миролюбивый ребенокъ?—пожала плечами Ія.

— Миролюбивый ребенокъ, ха-ха-ха! Звѣреныши, а не дѣти ваши воспитанники,—и я не виновата въ томъ, что дѣвчонка отъ злости бросилась на полъ и разбила себѣ лобъ о ножку дивана, а теперь разыгрываетъ комедію...

— Неправда! Вы говорите неправду...—вдругъ съ рыданіемъ вырвалось у Журы, крѣпившагося до сихъ поръ,—вы Надю сильно толкнули. Вы... вы... вы! И изъ-за васъ она разбилась, можетъ быть, на смерть... Вы убили ее!—И мальчикъ зарыдалъ уже на всю комнату.

— Что-о-о-о?—бѣшено сверкая глазами, завопила Нетти,—какъ ты смѣешь такъ говорить! Да я тебя вонъ вышвырну, на улицу сейчасъ же. Убирайся вонъ, откуда явился! Знать тебя не хочу послѣ такихъ словъ!

— Я и самъ уйду... можете не гнать... Самъ къ мамѣ уйду... Я часа не хочу здѣсь оставаться больше... Такъ и дѣдушкѣ скажу, и мамѣ... Она сама не захочетъ насъ здѣсь оставить... И Надю возьму... Если жива Надя... Если вы не до-би-ли... ее...

— Дерзкій, скверный мальчишка! Да какъ ты смѣешь...—начала было Нетти и вдругъ замолчала, растерянная и смущенная, оборвавшись на полуфразѣ. Въ дверяхъ студіи стояла Зинаида Юрьевна.

Однимъ быстрымъ взглядомъ она окинула комнату. Увидѣла блѣдную безчувственную Надю, лежащую на диванѣ, и хлопочущую подлѣ нея Ію, и взволнованнаго Журу, и какъ-будто сразу поняла все.

— Мама, мама!—внѣ себя крикнулъ мальчикъ, бро-

саясь къ матери...—Мама! Мама! Возьми насъ отсюда! Мы не хотимъ больше оставаться здѣсь.

Этотъ крикъ сына дошелъ до слуха его безчувственной сестренки... Надя открыла глаза и обвела ими студію.—Мамочка!—жалобно прозвучалъ ея ослабѣвшій голосокъ.

— Надюша!—въ одинъ голосъ вырвалось у Зинаиды Юрьевны и Журы, и они бросились къ пришедшей въ чувство дѣвочкѣ.

До этой минуты смачивавшая Надѣ виски мокрымъ платкомъ Ія, теперь поила водою дѣвочку.—Жура, милый, разскажи, что у васъ тутъ произошло,—спросила она.

— Мнѣ кажется, было бы тактичнѣе разспросить обо всемъ меня!—надменно начала было Нетти, но такъ какъ никто не отозвался на ея слова, она рѣзко повернулась на каблукахъ и вышла изъ студіи, демонстративно хлопнувъ дверью.

Немного позднѣе, узнавъ отъ Журы обо всемъ случившемся, Зинаида Юрьевна Градова увозила, несмотря на всѣ уговоры и протесты Іи, дѣтей къ себѣ.

Князя Юрія Львовича не было дома. Андрей тоже отсутствовалъ въ этотъ злосчастный день, поэтому некому было удержать возмущенную молодую мать.

Зинаида Юрьевна оставила отцу записку. Въ нѣсколькихъ ея строкахъ стояло:

— «Дорогой отецъ, спасибо тебѣ за заботы о моихъ малышахъ. Я увожу ихъ къ себѣ, потому что нашла возможнымъ съ нынѣшняго дня держать дѣтей при себѣ, дома. Ждемъ тебя сегодня къ себѣ. Захвати съ собою и Ію. Будемъ очень рады видѣть тебя. Дѣти цѣлуютъ ихъ милаго дѣдушку и благодарятъ его за все сдѣланное для нихъ тобою. До скораго свиданія, отецъ. Ждемъ. Зинаида».

Извозчикъ давно уже отъѣхалъ отъ подъѣзда, увозя Зинаиду Юрьевну и ея дѣтей, а Ія все еще стояла у окна и смотрѣла въ ту сторону, гдѣ скрылось за угломъ маленькое семейство.

Тяжелыя мысли гнѣздились въ головѣ дѣвушки. Съ отъѣздомъ дѣтей ей уже нечего было дѣлать въ домѣ брата. Вѣдь она осталась здѣсь послѣ непріятнаго случая съ Катей только ради нихъ. Къ тому же, Зинаида Юрьевна обѣщала ей достать мѣсто въ одномъ знакомомъ магазинѣ бухгалтерши или кассирши и попутно приглашала помѣститься жить у нея.

И все-таки, Ія было безконечно жаль оставить своего безхарактернаго слабаго брата, цѣликомъ подпавшаго подъ вліяніе его недоброй и пустенькой жены, котораго она любила всей душой.

Конецъ.

П. 1962 г.
Акт РК-3907
10

О дальнѣйшей судьбѣ Ія наши читатели узнаютъ изъ третьей послѣдней части трилогіи „Заслуженное счастье“.

ГПБ Русский фонд
133/3373